

Брюс Стерлинг

Схизматрица

1985

Стерлинг Б.

Схизматрица / Б. Стерлинг — 1985

Шейперы и механисты – две самые могущественные группировки Солнечной Системы, ведущие между собой жестокую, бескомпромиссную борьбу за то, чтобы только одна из них определяла в будущем судьбу человеческой расы. И если первые сделали ставку на генную инженерию, биотехнологию, с помощью которых человеческие организмы могут приспосабливаться к необычной для них космической среде, то вторые исповедуют протезирование, сращивание людей с компьютерами и разнообразными механическими приспособлениями. Произведения Брюса Стерлинга о шейперах и механистах – один из самых знаменитых сериалов в современной американской фантастике. Это – классические произведения в жанре «киберпанк».

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БРОДЯЖЬЯ ЗОНА	9
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Брюс СТЕРЛИНГ СХИЗМАТРИЦА

ПРОЛОГ

Яркие самолетики миновали продольную ось мира. Линдсей, любуясь, следил за ними, утопая по колено в траве.

Хрупкие, словно воздушные змеи, pedalные самолетики то ныряли, то взмывали высоко вверх в зоне невесомости. За ними, на другом конце мира, искривленный ландшафт сверкал желтизной пшеничных и пятнистой зеленой хлопковых полей.

Линдсей прикрыл ладонью глаза – сквозь стеклянные панели в мир хлестали потоки яркого солнечного света. Самолет с синими крыльями из материи, разрисованными под птичьи, пересек один из таких световых столбов и теперь парил, постепенно снижаясь. Линдсей различил выющиеся по ветру русые волосы авиаторши, крутившей педали, чтобы набрать высоту, и понял, что она тоже его заметила. Захотелось крикнуть, помахать ей рукой, но при свидетелях этого ни в коем случае делать было нельзя.

Тюремщики уже были рядом – собственные его супруга и дядюшка. Пожилые аристократы с натугой переставляли ноги. Дядюшкино лицо побагровело так, что старику пришлось даже усилить сердечный ритм.

– Ты.., бежал! – выдохнул наконец старик. – Ты бежал!

– Я просто решил размяться, – вызывающе вежливо отвечал Линдсей. – Мышцы здорово застоялись под домашним арестом.

Прикрыв глаза сложенной козырьком ладонью, испещренной старческими веснушками, дядюшка проследил направление его взгляда. Пестрый аппаратик парил над Хлябями – пораженным гниением участком сельскохозяйственной панели.

– Хляби разглядываешь? Где работает твой дружок Константин? Говорят, он как-то связывается с тобой оттуда.

– Он специализируется по насекомым, а не по криптографии.

Линдсей лгал. Тайные сообщения Константина были единственным его источником новостей.

После раскрытия заговора Линдсея заточили под домашний арест в стенах фамильной усадьбы, а Филипу Константину как инженеру по экологии не нашлось подходящей замены, и его решили оставить на рабочем месте.

Нервы домашнего арестанта, пока он томился в усадьбе, здорово сдали. Линдсей чувствовал себя человеком лишь там, где мог найти применение своим навыкам дипломата. Он сильно похудел; над резко выделившимися скулами мрачно блестели глаза. Темные, по моде завитые волосы растрепались от бега. Высокий рост, благородный лоб, волевой подбородок, само его безупречное сложение были характерными семейными признаками Линдсеев.

Супруга его, Александрина Линдсей, взяла мужа под руку. Одета она была в модную плиссированную юбку и белоснежную медицинскую куртку. Здоровый вид ее не выдавал, однако же, настоящей жизненной силы – лицо словно из воцеленной бумаги, уложенные с помощью лака завитки на висках.

– Джеймс, – обратилась она к старику, – вы же обещали! Зачем опять – о политике? Абельяр, ты такой бледный. Чем-то расстроен?

– Я? Расстроен? – Навыки дипломатии, усвоенные у шейперов, заработали: кожа порозовела, зрачки слегка расширились, губы сложились в открытую белозубую улыбку.

Дядюшка, недовольно насупившись, отступил.

Александрина оперлась на руку мужа.

– Не делай так больше. Ты меня пугаешь.

Она была старше Линдсея на пятьдесят лет и недавно прошла операцию, заменив коленные чашечки на тефлоновые механистские протезы, но колени явно беспокоили ее до сих пор.

Линдсей переложил книгу из руки в руку. Под домашним арестом он коротал время, переводя на современный солярноорбитальный английский пьесы Шекспира. Родственники одобряли – чем бы дитя ни тешилось, только бы не политикой.

Даже позволили лично передать рукопись в Музей. И такая поблажка на несколько часов вывела его из заточения в четырех стенах.

Музей был рассадником оппозиции. Там были друзья, презервационисты, как называли они свою небольшую группу. Реакционная молодежь, вдохновленная романтикой искусства и культуры прошлого. Они превратили Музей в свою цитадель.

Мир их назывался Корпоративной орбитальной республикой Моря Ясности. Заселенная почти двести лет назад, эта лунная орбитальная станция была одним из старейших космических поселений с устоявшимися традициями и собственной культурой.

Однако ж ветры перемен, дующие с молодых, энергичных миров Пояса астероидов и Колец Сатурна, проникли и сюда. Не миновали этого тихого города-государства и отзвуки Бессистемной великой войны между двумя сверхдержавами шейперов и механистов. В результате население Республики раскололось на презервационистов, к которым принадлежал Линдсей, и радикальных старцев. Плебеи поднялись на борьбу с процветающими аристократами.

Власти Республики держали сторону механистов. Радикальные старцы, каждому – далеко за сто, правили прямо из клиник, будучи неразрывно связаны с медицинской аппаратурой механистов. Лишь импортируемые технологии протезирования еще позволяли им жить. Республика погрязла в долгах, но расходы на медицину росли год от года. Мир все больше и больше зависел от механистских картелей.

Шейперы тоже не обходили Республику своим вниманием и своим арсеналом соблазнов. Несколько лет назад Линдсей с Константином прошли у них курс обучения, и именно это сделало друзей первыми в своем поколении. Молодежь, не в силах смириться с принесением в жертву механистским выгодам своих законных прав, встала на сторону шейперов.

Социальная напряженность достигла той стадии, когда взрыв может вызвать самая крохотная искра.

Предметом спора была сама жизнь. Аргументом же в этом споре служила смерть.

Запыхавшийся дядюшка тронул свой пульт-браслет, уменьшая частоту сердцебиения.

– Постарайся обойтись без этих выходов, – сказал он. – Нас ждут, и воздержись там, в Музее, от риторики. Ничего, кроме заранее согласованного.

Линдсей поднял взгляд. Птицеподобный самолет в стремительном пике несся вниз.

– Не-е-е-ет!!!

Отшвырнув книгу, он побежал.

Аппарат рухнул в траву близ открытого амфитеатра с каменными скамьями. Крылья его, конвульсивно дрожа, возвышались над грудой обломков.

– Ве-е-е-ра!!!

Когда он вытащил ее из путаницы стоек и растяжек, она еще дышала, но была без сознания. Из рта и носа шла кровь. Ребра явно были сломаны. Рванув ворот ее костюма, Линдсей сильно поранил руку проволокой – костюм, по моде презервационистов, имитировал старинный космический скафандр. Его гофрированные рукава были смяты и залиты кровью.

Облачко белых крохотных мотыльков поднялось над травой. Они суетились в воздухе, словно притягиваемые запахом крови.

Смахнув с Вериного лица мотылька, Линдсей прижался губами к ее губам. Пульсирующая жилка на шее замерла. Все. Конец.

– Вера, любимая моя, – прошептал он. – Ты все-таки...

Обхватив голову руками, он рухнул в траву. Боль утраты смешалась в нем с восхищением силой ее духа.

Вера решила на то, о чем они часто беседовали – в Музее, ночами, в постели, после воровской близости. Самоубийство как средство борьбы. Последнее средство выражения протеста.

Черная бездна распахнулась перед внутренним взором Линдсея. Путь к свободе... Но неожиданно в душе взметнулась бурная волна любви к жизни.

– Что ж, любовь моя... Сейчас, подожди немного...

Он поднялся на колени. К нему, побелев лицом, уже спешил дядюшка.

– Этот твой поступок... Отвратительно! – выкрикнул старик.

Линдсей одним прыжком вскочил на ноги:

– Отойди! Не трогай!

– Старик застыл над телом покойной, не сводя с нее выпученных глаз.

– Проклятый дурак!.. Она умерла! Ей было всего двадцать шесть!

Линдсей выдернул из рукава, собранного в тугие складки на локте и у запястья, грубо выкованный нож и приставил к своей груди.

– Во имя вечных человеческих ценностей... Во имя гуманизма... Выбираю по собственной свободной воле...

Старик схватил его за запястье. После короткой схватки нож выпал из руки Линдсея. Дядюшка поднял нож и положил в карман лабораторной рабочей куртки.

– А это, – прохрипел он, – нарушение закона. И за незаконное хранение оружия тебе придется отвечать.

– Хотя я и в ваших руках, – ухмыльнулся Линдсей, – вы не сможете помешать мне умереть. А сейчас или чуть позже – какая, собственно, разница...

– Ф-фанатик, – с отвращением выплюнул дядюшка. – Выучили шейперы, нечего сказать... Республика оплатила твоё обучение, а ты с его помощью сеешь разрушение и смерть!

– Она умерла человеком! Лучше вот так, в полете, чем – двести лет проволочной механистской куклой!

Линдсей-старший отрешенно рассматривал мотыльков, усеявших тело мертвой.

– Вы обязательно ответите за это. И ты, и этот твой плебейский выскочка Константин.

Линдсей не верил своим ушам.

– Вы... Тупой механистский... Вы что, не видите, что и так уже нас убили?! Она была лучшей... Она была нашей Музой...

– Что это за насекомые? – спросил вдруг дядюшка.

Он разогнал мотыльков взмахом руки. Только тут Линдсей заметил на шее Веры золотой медальон. Он рванулся к мертвой, чтобы схватить украшение, но дядюшка перехватил его руку.

– Это мое, не тронь! – крикнул Линдсей.

Старик, вывернув руку Линдсея, пнул его два раза в живот. Линдсей рухнул на колени. Задышавшись, дядюшка нагнулся за медальоном.

– Ты напал на меня, – потрясение произнес он. – Это..., насилие над личностью...

Он раскрыл медальон, и на пальцы его вытекла тягучая маслянистая капля.

– Нет записки? – удивился старик. – Что же это – духи?

Он понюхал пальцы. Линдсей, задохнувшись от тошнотворного запаха, упал наземь. Дядюшка вскрикнул.

Белые мотыльки тысячами нажились на него, впиваясь в кожу, испачканную пахучей жидкостью.

Они облепили кричащего, размазывающего их по лицу старика.

Линдсей перекатился на живот и, поднявшись на четвереньки, отполз подальше. Дядюшка уже не кричал, он бился в траве, точно в припадке эпилепсии. Линдсей задрожал от ужаса.

Монитор на дядюшкином запястье засветился красным; старик замер. Мотыльки еще несколько минут продолжали терзать мертвое тело, затем поднялись в воздух и растворились в траве.

Линдсей, встав во весь рост, оглядел окрестности. По высокой траве к нему медленно шла жена.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БРОДЯЖЬЯ ЗОНА

Глава 1

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия
27.12.15

Линдсея отправили в ссылку. Самым дешевым способом. Двое суток провел он слепым и глухим, накачанный наркотиками и залитый густой противоперегрузочной массой.

Автоматический катер, запущенный с грузовой направляющей, кибернетически точно лег на полярную орбиту вокруг другой орбитальной станции. Таких миров, названных по кра-терам и морям, из которых брали сырье, вращалось вокруг Луны ровно десять. То были пер-вые миры, вчистую порвавшие с истощенной Землей. Целый век их лунный союз был основой цивилизации, и коммерческих рейсов внутри этой Цепи миров было множество.

Но миновали дни славы; прогресс глубокого космоса отодвинул Цепь на задворки. Цепь разорвалась, тихий застой обернулся настороженной замкнутостью и техническим регрессом. Орбитальные миры деградировали, и пуще всех – тот, что был определен местом ссылки Линдсея.

Прибытие его зафиксировали камеры. Выброшенный из стыковочного узла катера-авто-мата, Линдсей повис обнаженным в невесомости таможенной камеры Народного Дзайбацу Моря Спокойствия. Тусклая сталь стен, облицовка ободрана... Некогда в этом помещении был номер для молодоженов – кувыркайтесь, мол, себе в невесомости. Теперь его переделали в бюрократический пропускник.

К сгибу правой руки Линдсея, еще не оклемавшегося после наркотиков, протянулся шланг внутривенного питания. Кожу облепили черные клейкие диски биомониторов. В поме-щении, кроме него, была лишь робокамера, снабженная двумя парами механических рук.

Серые глаза Линдсея открылись, но симпатичное лицо – бледное, с изящными дугами бровей – все еще было лишено всякого смысла. Его темные волосы спадали на обросшие трех-дневной щетиной щеки.

Стимулянты начали действовать. Руки задрожали. Внезапно и резко Линдсей пришел в себя. Тут же навыки дипломата взяли контроль над телом – словно волна тока пробежала по мышцам. Лязгнули сведенные судорогой челюсти. Глаза, мерцающие неестественным, насто-роженным блеском, обшарили помещение. Лицевые мышцы зашевелились совершенно не по-человечески; внезапно он улыбнулся. Оценив свое состояние, он одарил камеру открытой, любезной улыбкой.

Казалось, сияние его дружелюбия согрело в помещении воздух.

Шланг-манипулятор, отсоединившись от руки, втянулся в стену.

– Вы – Абельяр Малкольм Тайлер Линдсей, – заговорила робокамера, – из Корпоративной орбитальной республики Моря Ясности; просите политического убежища; ни в багаже, ни в теле не везете биоактивных препаратов, а равно – взрывчатых систем и софтов агрессивного характера; внутренняя микрофлора стерилизована с заменой на стандартные бактерии Дзай-бацу?

– Да, все правильно, – отвечал Линдсей на родном для робокамеры японском. – Багажа у меня нет.

С современным японским он обращался свободно – язык обкатался до торгово-делового говорка, лишённого сложных уважительных оборотов. Уж языкам-то он выучился...

– Вскоре вас пропустят в идеологически декриминализованное пространство. Покидая таможенно, ознакомьтесь с нижеследующими налагаемыми на вас запретами. Знакомы ли вы с понятием «гражданское право»?

– В каком контексте? – осторожно осведомился Линдсей.

– Дзайбацу признает только одно гражданское право – право на смерть, каковое вы вольны осуществить в любое время при любых обстоятельствах. Акустические мониторы установлены везде. Пожелав осуществить свое право, вы уничтожаетесь незамедлительно и безболезненно. Понятно?

– Понятно.

– Также уничтожение может быть следствием других проступков: физической угрозы конструкциям, вмешательства в работу мониторов, нарушение границы стерильной зоны, а также преступлений против человечности.

– Преступлений против человечности? А как они определены?

– Нежелательные биологическая деятельность и протезирование. Техническая же информация о пределах нашей терпимости не подлежит разглашению.

– Ясно, – сказал Линдсей.

Значит, у государства имеется карт-бланш на его уничтожение – в любой момент и почти по любому поводу. Так он и предполагал. Этот мир давал приют всем бродягам – перебежчикам, изменникам, ссыльным, объявленным вне закона. От подобного мира глупо было бы ждать другого. Слишком много расплодилось причудливых технологий: сотни внешне невинных деяний, вроде разведения мотыльков, могут быть потенциально опасными.

«Да и все мы уголовники», – подумал он.

– Вы желаете осуществить свое гражданское право?

– Нет, спасибо, – вежливо отказался Линдсей. – Хотя весьма отрадно, что правительство Дзайбацу мне его предоставило. Я не забуду вашей любезности.

– Вы только скажите – и сразу, – удовлетворенно ответила робокамера.

Собеседование закончилось. Линдсей отлепил от кожи биомониторы; робот подал ему кредитную карточку и стандартный комбинезон Дзайбацу.

Линдсей облачился в мешковатое одеяние. В ссылку отправили его одного. Должны были и Константина, но тот, как обычно, оказался хитрее.

Вот уже пятнадцать лет Константин был его лучшим другом. Родня Линдсея не одобряла дружбы с плебеем, но Линдсей на родню плевал.

В те дни кто постарше надеялись держаться между двух сверхдержав. Ради укрепления взаимного доверия с шейперами Линдсей был послан на Совет Колец для прохождения диптренинга. Через два года за ним последовал Константин – учиться биотехнологии.

Однако сторонники механистов победили. Линдсей и Константин, живой и явный результат внешнеполитической ошибки, оказались в опале. Данный факт еще теснее сблизил друзей, чье совместное влияние распространилось и на аристократическую, и на плебейскую молодежь. Вместе они были неотразимы: тонкие, твердо очерченные, долгосрочные планы Константина, да еще в изложении театрально-элегантного, в совершенстве овладевшего наукой убеждать Линдсея!..

Но затем между ними встала Вера Келланд – художница, актриса, аристократка. И первая святая мученица презервационизма. Вера верила в презервационистов. Вера была их музой, убежденность ее порою поддерживала и укрепляла даже самих Линдсея и Константина. Она тоже была несвободна, имея мужа шестьюдесятью годами старше, но адюльтер лишь придавал их взаимоотношениям определенную пикантность. Наконец Линдсей ее завоевал. И, обладая ею, заразился от нее тягой к смерти.

Все трое не сомневались, что самоубийства могут изменить настроения в Республике, если ни на что более не останется надежд. Все было обговорено до тонкостей. Филип останется

жить и продолжит дело – это будет ему утешением за утрату Веры и за его долгое одиночество. В трепетном единении прокладывали они путь к смерти, пока та не явилась воочию. Смерть Веры превратила планы в жестокую реальность...

Дверь открылась автоматически (несмазанная гидравлика противно заскрежетала). Отринув прошлое, Линдсей поплыл вдоль туннеля, к свету бледного дня.

Он выплыл на посадочную площадку, забитую грязными, потрепанными машинами.

Аэродром этот был расположен в центре зоны невесомости, на оси станции, и Линдсей мог – сквозь пять километров нечистого воздуха – окинуть взглядом весь Дзайбацу.

Вначале его удивили очертания и цвет облаков, дрожащих и рвущихся на куски в потоках воздуха, восходящих от сельхозпанелей неряшливыми грязно-желтыми клубами.

Воняло гадостно. Каждый из десяти окологунных орбитальных миров пах по-своему – Линдсей помнил, что воздух Республики после Совета Колец тоже показался ему неприятным. Но такое... Убийственно! Из носу потекло.

В свое время каждый мир Цепи неизбежно сталкивался с экологическими трудностями.

Чтобы почва плодоносила, в каждом ее кубическом сантиметре должны обитать минимум десять миллионов бактерий. Без этого невидимого воинства не будет и урожая. И человеку пришлось взять почвенные бактерии с собой, в Космос.

Однако и человек и его симбионты были лишены защитного покрова атмосферы. Миры Цепи пытались защищать слоями лунной щебенки метровой и более толщины, но это не спасало от последствий солнечных вспышек и волн космической радиации.

Без бактерий почва превращалась в бесплодную пыль. А с бактериями – кто их знает, до чего они могут домутировать при такой радиационной обстановке.

Если Республика еще как-то боролась, не прекращая попыток обуздать Хляби, то на Дзайбацу процесс зашел слишком далеко. Грибки-мутанты, словно масляная пленка, расплозились повсюду, пронизывая почву нитями грибницы, задерживавшими воду, из-за чего гнилостные бактерии могли спокойно пожирать деревья и посевы. Почва пересыхала, воздух насыщался влагой, на гибнущих растениях пышно расцветала плесень; серые булавочные головки ее сливались воедино наподобие лишайника...

Если дела зашли так далеко, мир орбитальной станции можно было спасти лишь самыми отчаянными мерами. Следовало выпустить в космос весь воздух, чтобы всеиссушающий вакуум как следует простерилизовал швы и трещины, – а затем начать все сначала. Это требовало огромных затрат. Колонии, столкнувшиеся с такой проблемой, страдали от раскола и массового бегства – тысячи и тысячи жителей отправлялись искать счастья на новых местах. Углубляясь в пространство, пустыри основывали новые колонии, в большинстве своем примыкавшие к механистским картелям в Поясе астероидов либо к Совету Колец шейперов, вращающемуся вокруг Сатурна.

В случае Народного Дзайбацу большинство граждан уже ушли, осталась лишь горстка упрямцев, отказывающихся признать свое поражение.

Линдсей их хорошо понимал – в этом унылом, гниющем запустении было что-то величественное.

Смерчи лениво и тягуче вращались, поднимая в воздух гниль вперемешку с прахом. Стекло панелей, покрытое пылью пополам с плесенью, почти не пропускало света, заплатки на подпорках и на растяжках закрывали частые пробоины.

Стоял холод – солнечный свет едва проникал в Дзайбацу. Здесь, чтобы не замерзнуть, поддерживался круглосуточный день. Ночи Дзайбацу были слишком опасны. Остаться в ночи – верная смерть.

Маневрируя в невесомости, Линдсей двинулся через посадочную площадку. Машины держались на металле при помощи присосок. Среди них оказалось с дюжину еле живых педальных машин и два-три потрепанных электролета.

Проверки ради он подергал растяжки дряхлого ЭЛ с изображением японского карпа на материи крыльев. Посадочные лыжи были перемазаны грязью. Устроившись в открытом седле, Линдсей вдел ступни в стремяна управления.

Потом вынул из нагрудного кармана кредитную карточку. На черном с золотом пластике имелся красный дисплей, высвечивавший оставшиеся кредчасы. Он сунул карту в гнездо, на приборной доске, и электролет загудел, пробуждаясь к жизни.

Набрав высоту, аппарат пошел вниз, пока не почувствовал хватку силы тяжести. Линдсей, оглядев окрестности, попытался сориентироваться.

Солнечная панель по левую руку от него местами была отчищена. Команда неповоротливых двуногих роботов продолжала драить стекло, едва ли не матовое от царапин. Приглядевшись, Линдсей понял: никакие это не роботы, просто люди в скафандрах и противогазах...

Лучи света, проникавшего сквозь отчищенное, в мутном воздухе казались лучами прожекторов. Войдя в один из таких, Линдсей заложил вираж и двинулся вдоль луча.

Свет падал на панель, что была напротив. В центре ее помещалась группа резервуаров, полных тенистой слизи. Водоросли. Остатки сельского хозяйства Дзайбацу, кислородная ферма.

Здесь Линдсей снизился и с наслаждением вдохнул полной грудью богатый кислородом воздух. Тень самолета скользила по джунглям трубопроводов... Внезапно на панель упала еще одна тень. Линдсей, заложив вираж, ушел вправо.

Преследователь с точностью механизма повторил маневр. Тогда Линдсей плавно пошел в высоту и, обернувшись в седле, посмотрел назад.

Увидев догонявшего, он поразился – тот был совсем рядом. Камуфляжная пятнистая окраска замечательно сливалась с внутренним небом порушенных сельхозпанелей. Это был беспилотный самолет-наблюдатель. Плоские угловатые крылья; бесшумный задний винт в камуфляжном обтекателе...

Из корпуса роболета торчали какие-то цилиндры. Две трубки, направленные на Линдсея, вполне могли быть телефотокамерами. Или рентгеновскими лазерами. Такая штука, настроенная на нужную частоту, может превратить в уголь все внутренности, ни пятнышка не оставив на коже. И лучи его – невидимы.

Эти мысли переполнили Линдсея страхом и отвращением. Ведь миры – хрупкие скорлупки, сберегающие воздух и тепло, без которых не будет жизни в холодных безднах пространства. Безопасность миров – основа основ морали. Оружие – опасно для жизни, а потому греховно. Конечно же, в этом мире бродяг только оружием можно обеспечить порядок, да, но все равно отвращение – глубокое, инстинктивное – не унималось.

Линдсей влетел в желтоватый туман, окутывающий осевую зону Дзайбацу. Снова выйдя на свет, он обнаружил, что роболет исчез.

Вот так. Никогда не поймешь, наблюдают за тобой или нет. В любую секунду чьи-то пальцы придавят кнопку – и...

Сам Линдсей удивился гневу, обуявшему его при такой мысли. И куда подевались годы диптренинга?... Перед глазами его невольно возник самолетик, птицей скользящий в сумасшедшем пике; крылья, содрогающиеся от удара...

Линдсей взял к югу. За загаженными панелями мир опоясывало непонятого назначения белое кольцо, примыкавшее к южной стене Дзайбацу.

Он оглянулся. Северную, вогнутую стену занимали заброшенные склады и фабрики, а южная была голой, пустынной плоскостью, сложенной, похоже, из блоков, напоминавших издали кирпичи.

Грунт под нею был сияющим неестественной белизмой кольцом из словно бы специально разровненных камешков. То там, то тут среди морской гальки возвышались загадочные темные островки валунов.

Линдсей снизился, чтобы взглянуть поближе. Теперь стала видна линия оборонительных сооружений; тонкие вороненые стволы следили за каждым его движением. Стерильная зона...

Он быстро ушел вверх.

В самом центре южной стены темнело отверстие. Вокруг него шершнями роились роботы наблюдения. По периметру отверстие окружали микроволновые антенны, к которым тянулись бронированные кабели.

Заглянуть внутрь не было никакой возможности. Пусть там половина мира, но – бродягам вход воспрещен.

Линдсей пошел на снижение. Проволочные растяжки его самолетика загудели от напряжения.

Севернее, на второй из трех грунТПанелей Дзайбацу, он увидел и бродяжки следы. Изгой воздвигли из хлама, снятого и утащенного из индустриального сектора, грубые гермокупола.

Купола были разными – от надувных пластиковых пузырьков и полужестких, в пятнах шпаклевки, геодезиков до огромной, стоящей особняком полусферы.

Приблизившись, Линдсей облетел больший из куполов. Поверхность его покрывала черная изоляционная пена. Низ защищало кольцо, выложенное из крапчатой лунной породы. В отличие от других куполов, на этом не было ни одной антенны.

И тут Линдсей узнал купол. Ну да, здесь этому куполу и место.

Его охватил страх. Зажмурившись, он воззвал к шейперскому диптренингу – плоду десятилетних прилежных психотехнических упражнений.

Сознание мягко перетекало во второе, рабочее состояние. Плечи развернулись, спина выпрямилась, движения приобрели округлую плавность, сердце забилося быстрее. Исполнившись уверенностью в себе, он улыбнулся. Разум обострился, стал ясным, сбросив запреты и ограничения, готовый к действию. Страхи и сомнения ушли, словно совершенно ничего не значили.

В этом состоянии он, как обычно, разозлился на недавнюю свою слабость. Вот, вот оно, его настоящее «я» – прагматичное, быстрое, свободное от груза эмоций!

Времени для полумер не было. Все спланировано. Коли уж жить здесь, надо брать ситуацию за плотку.

Тут он заметил шлюз купола. Линдсей посадил самолет, вынул из прорези кредитную карточку и ступил на землю. Самолет взвился в небо.

Каменная лестница привела его к западине в стене купола. Внутри нее замигала и вспыхнула ослепительно яркая панель, слева, рядом с бронеэкраном, находился объектив камеры; ниже бронеэкрана виднелась подсвеченная прорезь для кредитной карточки. Рядом был и стальной прямоугольник, закрывающий скользящий лоток.

Стальная скользящая дверь во внутренней стене защищала шлюз. На полу лежал толстый слой непотревоженной пыли. Гость здесь явно был редкой птицей.

Линдсей терпеливо выжидал, соображая, что именно – и как – будет врать.

Прошло десять минут, в течение которых он тщетно пытался обуздать насморк. Внезапно экран засветился, и на нем появилось женское лицо.

– Вставьте кредитную карточку в прорезь, – сказала женщина по-японски.

Линдсей внимательно вглядывался в экран, оценивая ее внешность. Худа, темноглаза, неопределенного возраста, темно-русые волосы коротко подстрижены. Зрачки, похоже, расширены. Одета она была в белую медицинскую куртку с металлическими знаками различия на воротнике: золотой посох, обвитый двумя змеями черной эмали с красными рубинами глаз, открытые пасти скалятся иглами для подкожных инъекций...

– Я не хочу ничего покупать, – улыбнулся Линдсей.

– Вы покупаете мое внимание. Вставьте карточку в прорезь.

– А я вас не просил появляться на экране, – сказал Линдсей по-английски. – Отключайтесь. Делайте что хотите.

Взгляд женщины стал обиженным.

– Я всегда делаю что хочу. – Она тоже перешла на английский. – Если захочу, то затащу вас внутрь и порежу на мелкие части. Вы понимаете, где находитесь? Это не дешевая шарага для бродяг. Мы – Черные Медики.

В Республике о таких и не слышали, но на Совете Колец Линдсей о них наслушался достаточно: преступные биохимики из самых глубин шейперского дна. Скрытны, решительны и жестоки. Имеют собственные опорные пункты – подпольные лаборатории, разбросанные по всей Системе. И это, выходит, одна из таких.

Он придал улыбке просительный оттенок:

– Я и вправду хотел бы войти. Только не по частям.

– Вы, должно быть, шутите. Ваша дезинфекция обойдется во столько, что вы сами того не стоите.

Линдсей поднял брови:

– Бактерии у меня – стандартные...

– Здесь – полная стерильность. Мы живем в чистоте.

– Выходит, вы там так и сидите? Ни войти, ни выйти? – Линдсей изобразил на лице удивление. – Как в тюрьме?

– Мы здесь живем. Это вы там, снаружи, как в тюрьме.

– Вот жалость-то... Ладно. Я веду дела в открытую. Я в ваших краях, некоторым образом, в качестве нанимателя. – Он пожал плечами. – Весьма приятно было бы с вами побеседовать, но время поджигает. Всего хорошего.

– Стоять. Вы не уйдете без моего позволения, – сказала женщина.

На лице Линдсея появилось выражение тревоги.

– Послушайте, – заговорил он. – Вашу репутацию никто не ставит под сомнение. Но вы же – там, взаперти. И для меня бесполезны. – Он провел пальцами по волосам. – Значит, разговаривать нам не о чем.

– Кто вас послал? Кто вы, в конце концов, такой?

– Линдсей.

– Лин Дзе? В вас нет ничего восточного.

Линдсей, заглянув в объектив, встретился с нею взглядом. По видео трудно было про-
извести впечатление, но неожиданность очень эффективно действовала на подсознание.

– А вас-то как звать?

– Кори Прагер, – ответила она. – Доктор Прагер.

– Так вот, Кори, я представляю здесь «Кабуки Интрасолар». Коммерческое зрелищное предприятие. – Линдсей лгал с энтузиазмом. – Организую постановку и набираю труппу. Платим мы хорошо. Но если, как вы говорите, вы не выходите наружу, то я, честно сказать, зря трачу на вас время. Вы даже не сможете побывать на спектакле. – Он вздохнул. – Очевидно, я тут не виноват и отвечать за это не могу.

Женщина нехорошо засмеялась, и Линдсей догадался – она явно нервничала.

– А кого, собственно, волнует, что там, снаружи, делается? Конкурентов у нас нет и не предвидится, так что были бы у покупателей деньги, а остальное нас мало интересует.

– Рад слышать. Надеюсь, все прочие разделяют вашу позицию. Но я не политик, я – артист. Желал бы я отделяться от сложностей так же легко, как вы. – Он развел руками. – Теперь, если мы наконец поняли друг друга, я пойду.

– Подождите. О каких трудностях речь?

– Да есть тут... Другие партнеры. Я еще труппу не собрал, а они уже о чем-то сговорились. Постановка должна как-то помочь им при заключении сделок.

– Мы можем выслать к вам наши мониторы и оценить вашу продукцию.

– Очень сожалею, – твердо ответил Линдсей, – но мы не позволяем записывать либо транслировать наши пьесы. Это понижает сборы. Я не могу подводить труппу. Конечно, в наши дни играть может кто угодно... При нынешних препаратах, улучшающих память....

– Мы торгуем такими препаратами, – быстро сказала женщина. – Вазопрессины, карболины, эндорфины; стимулянты, транквилизаторы. Препараты, заставляющие человека кричать, визжать, вопить. Черные Химики сделают все, что можно продать. Не сможем синтезировать – выделим из тканей. Все, что угодно. Все, что только сможете выдумать. – Она понизила голос. – Ведь мы – друзья. Сами понимаете, с кем. С теми, что за Стеной. Они очень нас ценят.

– Еще бы. – Линдсей понимающе закатил глаза. Она опустила взгляд; до него донесся быстрый стук по клавиатуре. Затем она снова взглянула на него:

– Вы, наверно, уже успели поговорить с этими блядьми из Гейша-Банка?

Линдсей насторожился – о таком он не слыхал никогда.

– Пожалуй, мне следует сохранять конфиденциальность моих деловых переговоров.

– Вы – дурак, если верите их обещаниям.

– Но что же мне делать? – беспокойно улыбнулся Линдсей. – Актеры и шлюхи всегда были добрыми союзниками. Это так естественно.

– Они, должно быть, предостерегали вас на наш счет...

Женщина приложила наушники к левому уху и что-то выслушала с рассеянным видом.

– Я уже говорил, что стараюсь вести дела в открытую.

Неожиданно экран стих; дама что-то быстро сказала в микрофон. Затем лицо ее исчезло с экрана и сменилось лицом пожилого, судя по морщинам, человека. Линдсей лишь мельком разглядел его настоящую внешность: всклокоченные седые волосы, глаза под красными веками... Далее в работу включилась видеокосметическая программа: она прошла сверху вниз по всему экрану, редактируя, сглаживая, подкрашивая изображение.

– Это, понимаете ли, ни к чему не приведет, – неуверенно запротестовал Линдсей. – Даже не пытайтесь меня во что-либо втягивать. Я должен организовать представление и не имею времени на...

– Заткнись, – оборвал его мужской голос. Из стены выдвинулся лоток – на нем лежал свернутый виниловый пакет. – Надевай. Войдешь к нам.

Линдсей встряхнул сверток – внутри оказался защитный комбинезон.

– Быстрее, – торопил Черный Медик. – Могут следить!

– Но я не предполагал... – забормотал Линдсей, неловко всовывая ногу в штанину. – Такая честь...

Он наконец влез в комбинезон, надел шлем и загерметизировал пояс.

Дверь шлюза поехала в сторону, скрежеща по забившей полозья грязи.

– Входи, – сказал голос.

Линдсей ступил внутрь, и дверь снова задвинулась. Ветер поднимал пыль. Пошел мелкий, грязноватый дождь. Затем откуда-то появилась робокамера на четырех телескопических ногах и уставилась объективом на шлюз.

Миновал час. Дождь перестал; в высоте бесшумно зависли два наблюдательных роболета. В заброшенной промзоне северной стены поднялась жестокая пылевая буря. Робокамера не сходила с места.

Наконец Линдсей неверными шагами вышел из шлюза. Поставив на каменные плиты черный атташе-кейс, он принялся стаскивать с себя защитный комбинезон. Свернув, он сунул его в лоток и с преувеличенным изяществом зашагал вниз по ступеням.

Воняло мерзко. Приостановившись, Линдсей чихнул.

– Эй, – сказала робокамера. – Мистер Дзе! Мне бы с вами поговорить, а?

– Если вы по поводу роли в пьесе, лучше явитесь лично, – ответил Линдсей.

– Удивительный вы человек, – заметила робокамера на пиджин-японском. – Я восхищен вашей дерзостью, мистер Дзе. Репутация у Черных Медиков – хуже некуда. Ведь вас и распотрошить могли ради химвеществ организма...

Утопая легкими матерчатыми туфлями в грязи, Линдсей направился к северу. Камера, поскрипывая левой задней ногой, поплелась за ним. Спустившись с невысокого холма, они попали в сад – мертвые, скользкие от черной слизи, без единого листочка деревья напоминали редкий поломанный забор. За садом, возле болотной жижи бассейна, стоял прогнивший чайный домик. Некогда элегантное строение из дерева и керамики рухнуло наземь грудой сухой трухи. Поддав ногой ствол, что лежал поперек дорожки, Линдсей закашлялся в облаке спор.

– Прибрать бы здесь, – задумчиво сказал он.

– А мусор куда девать? – спросила камера. Линдсей быстро оглянулся. Деревья – какие-никакие – но закрывали от наблюдения.

– Капремонт бы нужен вашей камере...

– Это лучшее, что я могу себе позволить, – ответил динамик.

Покачав кейсом, Линдсей сощурился:

– А то какая-то она у вас хлипкая и медлительная...

Робокамера подалась назад:

– Вам, мистер Дзе, есть где остановиться?

Линдсей почесал подбородок:

– Это что – приглашение?

– Лучше не оставаться под открытым небом. Вы ведь даже без респиратора.

– Я, – улыбнулся Линдсей, – сказал Медикам, что защищен новейшими антисептиками. Это произвело на них впечатление.

– Еще бы. Сырым воздухом здесь дышать не стоит. Если не желаете, чтобы ваши легкие стали похожи на эти деревья... – Робокамера помолчала. – Меня зовут Федор Рюмин.

– Очень рад познакомиться, – ответил Линдсей по-русски.

Сквозь костюм ему ввели стимулянт. Ясность мыслей появилась необычайная. Прямо невыносимая. Казалось, вот-вот сможешь заглянуть за грань. И переход с японского на не слишком привычный русский дался легко – все равно как пленку сменить.

– Да, удивительный вы человек, – сказала по-русски камера. – Раззудили во мне любопытство, раззудили... Вам это слово знакомо? Для пиджин-раши оно необычно. Следуйте, пожалуйста, за роботом. Я здесь, неподалеку. И постарайтесь дышать не очень глубоко.

Рюмин обитал в маленьком надувном куполе из зелено-серого пластика, близ залатанной оконной панели. Расстегнув матерчатый шлюз, Линдсей вошел внутрь.

Чистый воздух, с отвычки, вызвал у него приступ кашля. Палатка была невелика – десять шагов в поперечнике. По полу вились провода, соединявшие залежи старого видеоборудования со старым аккумулятором, покоящимся на подставках из черепицы. На центральной опоре, также опутанной проводами, висели лампа, воздушный фильтр и спуск антенного комплекса.

Рюмин скрестив ноги восседал на татами; руки его лежали на джойстике.

– Позвольте, я сначала займусь робокамерой. Это одна секунда.

В широкоскулом его лице было что-то от азиата, но поредевшие волосы были светлыми. Щеки его покрывали старческие веснушки, а кожу на суставах пальцев избородили глубокие морщины, обычные для седых стариков. И с костяком что-то странное: запястья чересчур узкие при такой коренастости, кости черепа неестественно тонкие... К вискам хозяина были прилеплены два черных диска. От них по спине тянулись провода, уходящие в общую путаницу кабелей на полу. Глаза старика были закрыты. Впрочем, он тут же отлепил от висков диски и открыл глаза. Они оказались ярко-голубыми.

– Вам света хватает?

Линдсей посмотрел на лампу:

– Пожалуй, да.

Рюмин потер висок.

– Чипы в зрительном нерве, – пояснил он. – Я страдаю видеобольной. Все, что не в развертке, не на экране, вижу очень плохо.

– Вы – механист?

– А что, заметно? – иронически спросил Рюмин.

– Сколько же вам лет?

– Сто сорок. Нет, вру. Сто сорок два. – Он улыбнулся. – Да вы не пугайтесь.

– Я лишен предрассудков, – не слишком убедительно ответил Линдсей.

Он был сбит с толку, а навыки дипломата почему-то отказывались служить. Пришел на память Совет Колец и долгие, исполненные ненависти сеансы антимеханистской промывки мозгов... И чувство протеста помогло овладеть собой.

Шагнув через джунгли кабелей, он положил кейс на столик, рядом с обернутой в пластик плиткой синтетического тофу.

– Поймите, господин Рюмин, если вы хотите меня шантажировать, то – впустую. Я не поддамся. Хотите мне вреда – валяйте. Убейте меня, прямо сейчас.

– Вы бы такие слова потише, – предостерег Рюмин. – Услышит патрульный роболет – может спалить сквозь стенку.

Линдсей вздрогнул. Рюмин, заметив его реакцию, грустно улыбнулся:

– Да-да, мне доводилось видеть такое. Кстати, если уж мы начнем убивать друг друга, это вы убьете меня. Я здесь сижу в благополучии и безопасности, мне есть что терять. А вы – неизвестно кто с хорошо подвешенным языком. – Он свернул кабель джойстика. – Заверениями можно обмениваться до скончания века, и все равно мы один другого не убедим. Либо мы друг другу верим, либо нет.

– Попробую вам поверить, – решил Линдсей.

Он стряхнул с ног облепленные грязью туфли. Рюмин поднялся, нагнулся за ними, громко хрустнув при этом позвоночником.

– В микроволновку положу. В здешней грязи бывает все что угодно.

– Я запомню... – Мозг Линдсея прямо-таки плавал в мнемонических препаратах, вызвавших нечто наподобие прозрения. Каждый виток провода на полу, каждая кассета с пленкой казались ему жизненно важными. – А то сожгите их вовсе.

Раскрыв свой новый кейс, Линдсей извлек оттуда элегантную кремовую медицинскую куртку.

– Зачем же жечь, хорошие туфли, – возразил Рюмин. – Минимум три-четыре минуты стоят.

Линдсей снял комбинезон. На правой ягодице синели два кровоподтека – следы инъекций.

– Значит, все же целым не ушел, – сощурился Рюмин.

Линдсей вынул из кейса отглаженные белые брюки.

– Стимулянт, – объяснил он.

– Стимулянт... А мне-то казалось, что ты больше похож на шейпера... Откуда ты, мистер Дзе? И сколько тебе лет?

– Всего три часа, – сказал Линдсей. – У мистера Дзе нет прошлого.

Рюмин отвел взгляд:

– Что ж, не стоит сетовать, что шейпер скрывает свое прошлое. Система кишит вашими врагами. – Он заглянул Линдсею в глаза:

– Ты наверняка был дипломатом.

– Отчего вы так думаете?

– Успех с Черными Медиками. Мастерски сработано, впечатляет. И потом, дипломату в бродяги угодить очень просто. На Совете Колец имеется секретная программа диптренинга. Обучение дипломатов особого типа. Но процент отсева высок. Половина сделалась бунтовщиками либо перебежчиками.

Линдсей застегнул рубашку.

– И с тобой то же случилось?

– Нечто подобное...

– Как интересно... Я в свое время многих пограничных постчеловеков повидал, но ваших... Это правда, что в вас вкладывают второе, независимое сознание? И что в полном рабочем режиме вы и сами не знаете, правду ли говорите? Что у вас подавляют способность к искренности специальными препаратами?

– Искренность, – заметил Линдсей, – дело тонкое.

– А ты знаешь, – помолчав, сказал Рюмин, – что всех вас отслеживают шейперские боевики?

– Нет, – кисло ответил Линдсей.

Вот до чего дошло... Долгие годы специальными крабами через спинной мозг вжигали ему в каждый нерв знания. Делали промывки мозгов – как обычные, под наркотиками, так и электронные, напрямую... В шестнадцать лет он покинул Республику, и десять лет психотехи вливали в него навыки. В Республику он вернулся, словно граната на взводе, готовый ко всему. Однако его мастерстве спровоцировало настоящую панику в умах власть предержащих. И вот теперь даже сами шейперы за ним охотятся...

– Спасибо за предупреждение, – сказал он.

– Ты не слишком переживай, – успокоил его Рюмин. – Шейперов самих обложили со всех сторон. У них есть заботы поважнее судебных бродяг. – Он улыбнулся. – Но если ты вправду прошел эту процедуру – значит, тебе нет сорока.

– Тридцать. А ты, оказывается, хитер, зараза. Вынув из микроволновки прожарившиеся туфли Линдсея, Рюмин осмотрел их и надел на собственные босые ступни.

– А на скольких языках ты шпрехаешь?

– Вообще-то на четырех. Но при стимуляции памяти – на семи. Плюс стандартный шейперский язык программирования.

– На четырех-то и я могу. Правда вот, письмом не стал себе мозги пачкать.

– Так ты что, совсем не умеешь читать?

– А зачем? За меня машины читают.

– Значит, ты слеп ко всему культурному наследию человечества.

– Странный разговор для шейпера, – удивился Рюмин. – Ты, стало быть, любитель старины? Мечтаешь нарушить Интердикт и вернуться на Землю изучать так называемые гуманитарные науки? Теперь мне понятен твой театральный гамбит. Мне-то за словом «пьеса» пришлось в словарь лезть... Потрясающий обычай. Ты вправду хочешь такое устроить?

– Да. А Черные Медики Меня финансируют.

– Ясно. Но вот Гейша-Банк... Денежные штуки – это все по их части.

Опустившись на пол рядом с клубком проводов, Линдсей отцепил от ворота булавку Черных Медиков и повертел ее в пальцах.

– Так расскажи, с чем их едят.

– Гейши – это шлюхи-финансистки Ты наверняка заметил, что твой кредит измеряется в часах.

– Да.

– Это часы сексуального обслуживания. У механистов и шейперов валюта – киловатты. Но уголовным элементам Системы для жизни необходим черный рынок. На нем в ходу множество теневых валют. Я даже статью о них написал.

– Ты?

– Да. Я же по профессии журналист. Развлекал буржуазию Системы леденящими кровь разоблачениями уголовного мира. Подробностями грязной жизни каналов-бродяг. – Он кивнул на кейс Линдсея. – Одно время все эти валюты базировались на наркотиках, но это давало Черным Химикам шейперов преимущество. Имело некоторый успех машинное время, но лучшая кибернетика – у механистов. И тогда пришел секс.

– Значит, люди приезжают в эту дыру за сексом?

– Чтобы реализовать свои часы, необязательно являться в банк, мистер Дзе. У Гейша-Банка – филиалы по всем картелям. А еще сюда прилетают пираты – обменивают добычу на компактный теневой кредит. Ну и – ссыльные с других орбитальных миров. Из очень уж невезучих.

Линдсей никак не отреагировал, хотя сам именно к таким невезучим ссыльным и относился.

Значит, задача ясна: выжить. Эта задача чудесным образом очистила сознание от прочих, менее насущных проблем. Заговор презервационистов, политические драмы, инсценированные им в Музее, – вся прежняя его жизнь осталась там, далеко позади. Она – не более чем достояние истории.

Плюнуть и забыть, решил он. Все прошло; осталось там, в Республике... От мыслей этих к горлу подступил комок дурноты. Он будет жить. В отличие от Веры. Константин хотел убить его при помощи перестроенных насекомых. Крохотные, тихие мотыльки – замечательное оружие, в духе времени. Они угрожают лишь плоти человека, но не целому миру. Но дядюшку угораздило случайно взять в руки медальон с феромонами, доводящими этих мотыльков до бешенства, и он погиб вместо Линдсея... Тошнота медленно, но упорно подкрадывалась к его горлу.

– Приезжают еще разочарованные из механистских картелей, – продолжал Рюмин. – Чтобы в экстазе отдать концы. За соответствующую плату Гейша-Банк предлагает самоубийство вдвоем – с партнером из их штата. Называется «синдзю». Многие клиенты, понимаешь ли, считают, что умирать гораздо веселее вдвоем.

Несколько мгновений Линдсей пытался совладать с дурнотой. «Самоубийство вдвоем» dokonало его вконец. Перед глазами появилось лицо Веры – странно зыбкое и вместе с тем отчетливое в ярких лучах подхлестнутой наркотиками памяти. Покачнувшись, он упал на бок. Его вырвало.

Наркотики ослабили организм. После отбытия из Республики он еще ничего не ел. Нестерпимая кислота обожгла горло, и он задохнулся, безуспешно хватая ртом воздух.

Рюмин тотчас же оказался рядом. Он надавил костлявыми коленями на грудную клетку Линдсея, и воздух прошел-таки сквозь сведенную судорогой гортань. Перевернувшись на спину, Линдсей судорожно вздохнул. Руки и ноги слегка потеплели. Он попытался вздохнуть еще – и потерял сознание.

* * *

Взяв Линдсея за запястье, Рюмин засек пульс. Линдсей лежал без чувств, и на старого механиста словно бы снизошло странное, ленивое умиротворение. Он позволил себе расслабиться. Рюмин давно уже был глубокий старик. А ощущение этого меняет все в окружающем мире.

Кости Рюмина были хрупкими... Осторожно перетащив Линдсея на татами, он укрыл его одеялом. Затем, добравшись до керамического бачка с водой, достал рулон грубой фильтровальной бумаги и вытер рвоту. Точность его движений скрывала тот факт, что без видеовода старик был почти слеп.

Рюмин нацепил видеоочки и сосредоточился на записи, сделанной с Линдсея. Воспринимать мысль и образы через провода было как-то привычнее.

Кадр за кадром анализировал он движения гостя. Длинные, костистые руки и ноги, большие ладони и ступни, но нескладным его не назовешь. Во всех движениях опасная, зловещая точность – нервная система, очевидно, подвергалась длительной и тщательной обработке. Кто-то не пожалел ни времени, ни денег, чтобы подделать эти расхлябанные легкость и изящество...

Рюмин просматривал запись с сосредоточенностью, нарабатанной за многие годы практики. Система велика, размышлял он, хватит места тысячам и тысячам образам жизни, тысячам надеющимся на лучшее монстрам... То, что проделали над этим человеком, вызывало в нем печаль, но – ни малейшего страха либо тревоги. Только время может расставить все по местам – сказать, где прогресс, а где глухой тупик. А он, Рюмин, давно уже не берется судить. Даже и когда мог – воздерживался...

Добрые дела редко остаются безнаказанными, но Рюмин никогда не мог от них удержаться и лишиться себя удовольствия пронаблюдать результат. Любопытство – вот что заставило его уйти в бродяги. Человек он был весьма одаренный, одно время входил в «совет» колонии, но любопытство подзуживало на неудобные вопросы, подталкивало к неудобным мыслям...

Некогда ему придавало сил чувство собственной правоты. С годами правота как-то перестала ощущаться, но жалость и готовность помочь – остались. Для Рюмина порядочность вошла в старческую привычку.

Гость заворочался во сне. Лицо его задергалось, исказившись в причудливой гримасе. Рюмин удивленно сощурился. Странный парнишка... Хотя – чему уж тут удивляться, мало ли странностей в Системе? Вот если странности выходят из-под контроля – это да. Это становится интересным.

* * *

Проснувшись, Линдсей застонал.

– И на сколько же я отключался?

– На три часа и двадцать минут, – сообщил Рюмин. – Дня и ночи, мистер Дзе, здесь не бывает. Поэтому время мало что значит.

Линдсей приподнялся на локте.

– Проголодался?

Рюмин подал ему миску супа. Линдсей взглянул на варево с подозрением. Кружки жира на поверхности, белые комья в глубине... Он сунул ложку в рот – на вкус оказалось куда лучше, чем с виду.

– Спасибо, – сказал он, быстро налегая на суп. – Извини за беспокойство.

– Ерунда. Тошнота – вполне обычное дело, когда микробы Дзайбацу поселяются в желудке у новичка.

– А чего же ты послал за мной камеру?

Рюмин налил супа себе.

– Из любопытства. Я всегда наблюдаю за прибывающими – через радар. Большинство бродяг путешествуют группами; одиночки попадают редко. Хотелось выяснить, кто ты и что ты. Таким образом я зарабатываю себе на жизнь. – Он доел суп. – Теперь расскажи-ка, что ты думаешь делать дальше.

– Если расскажу, ты мне поможешь?

– Не исключено. А то в последнее время как-то здесь стало скучно.

– На этом деле можно заработать.

– Чем дальше, тем интереснее! А если поконкретней?

– Сделаем мы вот что, – сказал Линдсей, вставая и поправляя манжеты. – Шейперские преподаватели говорили: «Лучшая ловушка для птиц – зеркало». О Черных Медиках я узнал на Совете Колец. Они не были генетически перекроены. Шейперы их презирали, оттого они и замкнулись в своем кругу. Этого обычая они держатся даже здесь. Но они любят, чтобы ими все восхищались. Вот я и стал зеркалом: показал им то, чего они желают. Посулил почет и уважение, которыми они будут облечены в качестве покровителей театра... – Он потянулся за пиджаком. – Ну а Гейша-Банк чего хочет?

– Денег и власти, – объяснил Рюмин. – И еще – сокрушения соперников. А соперники у них – Черные Медики.

– Атака по трем направлениям, – улыбнулся Линдсей. – Именно этому меня и учили. – Улыбка его вдруг исказилась; он схватился за живот. – Суп... Синтетический протеин, да? Что-то мне от него худо.

Рюмин рассудительно кивнул:

– Это – новые микробы. Придется тебе на несколько дней повременить с деловыми свиданиями. Понос у тебя, мистер Дзе.

Глава 2

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия

28.12.15

Ночей на Дзайбацу не было вовсе, и это придавало страданиям Линдсея некий вечный, вневременной оттенок.

Антибиотики помогли бы почти сразу, однако рано ли, поздно, а с новой микрофлорой все равно придется осваиваться. Между приступами Рюмин от нечего делать развлекал его местными сплетнями и анекдотами. Все вместе они складывались в историю – сложную и безрадостную череду предательств, мелких свар и бесцельной борьбы за власть.

Самой многочисленной из группировок Дзайбацу были фермеры-водорослеводы, наронец мрачный и фанатичный, замкнутый, невежественный, не чуждавшийся, по слухам, и людоедства. Далее следовали математики – прошейперская группировка, большую часть времени проводившая в рассуждениях на предмет теорий бесконечных множеств. Маленькие купола были населены каперами и пиратами: Раскольники Гермеса, Радикалы Серого Тора, Гранмегаики, Союзные Эклектики и прочие, менявшие названия и облики столь же просто, как просто они резали глотки. Меж собой они грызлись постоянно, но ни одна группировка не смела бросить вызов Черным Медикам или же Гейша-Банку. В прошлом подобные попытки предпринимались; ужасные легенды о них еще сохранились в памяти общества.

Живущие за Стеной тоже занимали свое место в весьма разнообразных мифах. Утверждали, что живут они в джунглях разросшихся мимоз и сосен, с виду уродливы, у каждого на руках по два больших пальца, и все они от рода поголовно глухи.

Кое-кто заявлял, что за Стеной нет вообще ничего человекоподобного, а только набор саморазмножающихся программ, достигший ужасающей независимости.

И конечно же, вполне допускалась возможность тайного вторжения и захвата застойной территории – пришельцами. Вокруг данной концепции пышным цветом расцвела целая отрасль постиндустриального фольклора, построенного на аргументах весьма остроумных. Прихода пришельцев с иных звезд рано или поздно ожидали все. Явление их должно было открыть новую эпоху – наподобие современной версии Царствия Божьего.

Рюмин терпеливо выхаживал Линдсея. Пока тот забывался сном, он патрулировал Дзайбацу посредством робокамеры и высматривал, что там новенького. Миновав кризис, Линдсей пошел на поправку – уже в состоянии был поесть супу и жареного протеина со специями.

Во время такого обеда какой-то из рюминских аппаратов, издав оглушительный писк, ярко замигал индикатором. Рюмин, не отрываясь от сортировки кассет, взглянул на него.

– Это радар, – пояснил он. – Дай-ка мне видеоочки.

Подобравшись к радару, Линдсей передал ему клейкие видеодиски. Рюмин нацепил их на виски.

– У радара слабое разрешение, – сказал Рюмин, закрывая глаза. – Толпа какая-то приехала. Пираты, скорее всего. На посадочной сейчас.

Он сощурился, хотя глаза его и так были закрыты.

– И что-то у них там довольно крупное. Просто громадное что-то приволокли... Переключусь-ка я, пожалуй, на телефото.

Он выдернул шнур видеоочков из гнезд радара.

– Выйду взгляну, – предложил Линдсей. – Я уже в состоянии.

– Только сперва подключись. Возьми вот наушники и какую-нибудь из камер.

Разобравшись с электроникой, Линдсей расстегнул молнию шлюза и ступил наружу, в густой, холодный воздух.

Обогнув купол, он направился в сторону обода землепанели, потом свернул и рысцой избежал на ближайший мостик через низкую металлическую стену. Там он направил камеру вверх:

– Вот, хорошо, – прозвучал в наушниках голос Рюмина. – Яркость прибавь, там справа такая кнопка... Да, так лучше. Ну, мистер Дзе, что скажешь?

Зажмурив один глаз, Линдсей приник к видоискателю. Высоко над головой, у северного окончания продольной оси Дзайбацу, дюжина бродяг в невесомости пыталась обуздать громадный серебристый мешок.

– Вроде палатку надувают, – сказал Линдсей. Сморщенный серебристый мешок внезапно развернулся в цилиндр. На боку стал виден рисунок в человеческий рост высотой – красный череп и две скрещенные молнии.

– Пираты! – сказал Линдсей.

– Так я и думал, – хмыкнул Рюмин.

Налетел резкий порыв ветра. Линдсей, на секунду потеряв равновесие, посмотрел вниз. Долгая белая стеклянная панель под мостиком была порядком изношена. Шестиугольные блоки метакласта испещрены были темными заплатами; растяжки их неряшливо топорщились. Швы и трещины были залиты пластиком. Сквозь стекло сочился неяркий солнечный свет.

– Ты там как – в порядке? – спросил Рюмин.

– Извини, – ответил Линдсей и снова направил камеру вверх.

Пираты уже подняли свой серебристый аэростат в воздух и запустили на нем два пропеллера. Всплыв над посадочной площадкой, баллон дернулся и пошел вперед, увлекая за собой какой-то темный предмет – с виду вроде странной формы валун, поперечником с человеческий рост.

– Метеорит, – объяснил Рюмин. – В дар живущим за Стеной. Ты видел камни в Стерильной зоне? Пиратские дары. Это уже стало традицией.

– А по земле отволочь они что, не могут?

– Шутишь. Ступить в Стерильную зону – верная смерть.

– Ясно. Приходится сбрасывать с воздуха. А ты знаешь этих пиратов?

– Нет. Впервые вижу. Потому они и камень приволокли.

– Но кому-то они здесь, похоже, уже знакомы. Взгляни.

Линдсей навел камеру на третью сельхозпанель, лежавшую чуть дальше пиратского аэростата. Большую часть ее площади заполонила плесень; кое-где над нею клубился низовой желтоватый туман.

Ближе к центру панели, неподалеку от развалин северных пригородов, виднелся приземистый многоцветный купол из разнокалиберных кусков пластика и керамики. Из его шлюза выбежала толпа суетливых, как муравьи, бродяг. Поглядывая вверх сквозь стекла противопожарных, они волокли за собой грубо сляпанную конструкцию из лебедок, тросов и рычагов. Затем они стали свой агрегат поднимать, пока один из его концов не нацелился в небо.

– Что это они делают? – спросил Линдсей.

– Кто его знает... Это – Восьмая орбитальная армия. По крайней мере, они сами так себя называют. До сих пор жили затворниками.

Пиратский аэростат плыл в воздухе, бросая тени на все три сельхозпанели. Один из бродяг что-то там в механизме дернул.

Вверх взвился длинный металлический гарпун. Блеснув в воздухе, он вонзился аэростату в бок. В хвостовой части сделанной из фольги оболочки образовалась дыра. Прощив оболочку навывлет, гарпун полетел дальше. Удар изменил его траекторию, теперь он описывал в небе дугу, подчиняясь эффекту Кориолиса. Наконец стрела исчезла в переплетении ветвей сгнившего сада.

Пираты засуетились, пытаясь увести поврежденный воздушный шар подальше от атакующих.

Привезенный ими массивный валун, влекомый неспешной инерцией, натянул тросы. Дыра в оболочке начала увеличиваться, и хвостовая часть оторвалась от аэростата.

Громко зашипел газ, и аэростат мгновенно превратился в бесформенный, сплюснутый комок фольги. Двигатели, увлекая за собой оторванный серебристый хвост, падали вниз.

В это время пираты делали отчаянные попытки удержаться в зоне невесомости. Тем более отчаянные, что неспешные, засасывающие, нисходящие токи воздуха в любую секунду могли увлечь вниз, навстречу смерти.

Валун вошел в клубы облаков. Темная масса, слегка повиливая, величаво шла на снижение и скоро пропала в дымке. Секундой позже метеорит появился снова – уже под облачным слоем – и вскоре врезался в стекло оконной панели.

Линдсей, удерживавший его в поле зрения камеры, услышал странный Хруст. Воздух, увлекая за собой осколки стекла, обломки металла и пластика, с ревом устремился в пространство.

Подбрюшье облака, нависшего над местом крушения, закрутившись, потянулось к пролому. Над пробойной вырос плюмаж белого тумана – резкое понижение давления привело к конденсации пара.

Подняв камеру над головой, не обращая внимания на удушенный, протестующий возглас Рюмина, Линдсей прыгнул вниз и побежал к пробойне.

Через минуту он был у цели – настолько близко, насколько осмелился подойти. Спрятавшись за ржавой растяжкой заглушки метрах в десяти от пробойны, он взглянул вниз, под ноги, сквозь грязное стекло. Там, в лучах солнечных зеркал, сияла радугой длинная струя замерзающего пара.

Ревущий ток воздуха принес с собой сильный ливень. Линдсей прикрыл объектив ладонью.

Краем глаза он заметил движение. К пролому, волоча за собой длинный рукав, спотыкаясь о затычки и о растяжки, еле держась на ногах под порывами ураганного ветра, бежали фермеры.

У края пробойны, захваченный ветром, разбился пятнистый патрульный роболет. Струя воздуха мгновенно унесла обломки наружу.

Рукав задергался под напором жидкости, и из насадки хлынул гейзером серо-зеленый пластик. Прилипая к стеклу, он быстро затвердевал.

Под напором воздуха заплатка содрогалась, однако держалась. Постепенно пластик заливал пробойну, и рев сделался тише, перейдя в негромкий свист.

Загерметизировав пробойну, люди еще некоторое время продолжали качать пластик. Потревоженные тучи сочлились дождем. Тут Линдсей заметил еще одну группу фермеров, стоявших вдоль оконной панели. Сблизив головы в противогазах, они указывали куда-то вверх.

Линдсей поднял взгляд.

Вихрь вырвал из слоя туч клочок, сквозь полукруглую прогалину Линдсей увидел купол Восьмой орбитальной армии. Вокруг него на земле лежали, не шевелясь, крохотные фигурки в белых скафандрах.

Линдсей навел на них камеру. Фанатики из Восьмой орбитальной... Некоторые, видно, пытались укрыться в куполе – у шлюза, с распростертыми руками, лежали Друг на друге сразу несколько тел.

Пиратов с аэростата не было видно. Линдсей поначалу решил, что они отступили на посадочную площадку, но неожиданно одного заметил: разбившегося о ближайшую светопанель.

– Замечательное кино, – сказал Рюмин. – Но соваться туда было бы идиотизмом чистой воды.

- Я как-никак твой должник, – отвечал Линдсей, рассматривая трупы. – Схожу-ка туда.
- Давай я лучше отправлю робота. Там скоро появятся мародеры.
- Вот я с ними и познакомлюсь. Могут пригодиться.

Он перешел по мостику на грунтовую панель. Легкие жгло, однако Линдсей решил обойтись без маски. Репутация стоит риска.

Миновав владения Черных Медиков, он пересек еще одну светопанель, и направился к куполу Восьмой орбитальной армий. На третьей сельхозпанели никто, кроме них, не жил, ее оставили после того, как на ней поселилась какая-то особо заразная пакость. От сельского хозяйства остались лишь реденькие пучки стеблей – высотой по щиколотку. Жилища и надворные постройки в пастельных тонах, разграбленные, но не разрушенные, единственная неорганика в царстве гнили, казались каким-то немыслимым чудом.

Купол затворников был сооружен из обрезанных и подогнанных друг к другу пластиковых дверей. Вокруг, недвижно лежали тела – как-то странно вывернув руки и ноги, словно смерть настигала их прежде, чем они успевали упасть. Что самое удивительное, сцена не вызывала ни капли ужаса. Словно мертвые были не люди, а какие-то безликие пластиковые куклы. Да и сама принадлежность их к людям была обозначена лишь воинскими знаками отличия на плечах. Линдсей насчитал восемнадцать тел.

Стекла противогазов изнутри покрывал налет влаги.

Поблизости негромко зажужжали моторы. Две машины, заложив крутой вираж, приземлились, взбороздив полозьями землю. Прибыли двое пиратов с аэростата.

Линдсей навел на них камеру. Спешившись, они вынули из прорезей кредитные карты, и самолеты улетели.

Пираты, полусогнув ноги, что говорило о непривычности к притяжению, подошли к Линдсею. Их красные комбинезоны были украшены серебристыми изображениями скелетов в натуральную величину.

Пират, что повыше ростом, ткнул ногой близлежащий труп.

- Вы видели? – спросил он по-английски. – Что это их?..
- Их убили роболеты, – ответил Линдсей. – Они «физически угрожали конструкциям».
- Восьмая орбитальная армия, – пробормотал высокий пират, рассмотрев наплечную нашивку.

– Фашисты. Вонючки антинародные, – буркнула сквозь респиратор его спутница.

– Вы их знаете? – поинтересовался Линдсей.

– Да уж встречались, – отвечал первый пират. – Хотя не думали, что они теперь здесь. Да, – вздохнул он, – накладочка вышла... Как вы полагаете, там, внутри, кто-нибудь остался?

– Разве что мертвые. Роболеты вооружены рентгеновскими лазерами.

– Вот как... А жаль. Хоть бы одного собственными руками...

Линдсей левой рукой изобразил жест службы внешнего наблюдения: за нами следят. Высокий пират быстро поднял взгляд. Солнечный луч сверкнул на серебристом черепе-маске, закрывавшем его лицо.

Затем глаза его, прикрытые металлизированным серебристым стеклом, уставились на Линдсея:

- Слушай, гражданин, а ты-то чего без маски?
- Вот моя маска, – сказал Линдсей, коснувшись рукой лица.
- Посредник, значит? Работу ищешь? А то у нас последний дипломат только что гикнул. Невесомость как переносишь?
- Осторожнее, господин президент, – вмешалась его спутница. – Вспомните конфирмационные слушания.

– Не встревай в официальные переговоры, – раздраженно отрезал президент. – Я представлю нас. Я – президент Горняцкой Демократии Фортуны, а это моя супруга, спикер парламента.

– Лин Дзе, от «Кабуки Интрасолар». Театральный импресарио.

– Это – наподобие дипломата?

– В общем, да, ваше превосходительство.

Президент кивнул.

– Не доверяй ему, господин президент, – предупредила спикер.

– Внешние сношения – прерогатива исполнительной власти, так что заткни хлебало, – рыкнул президент. – Слушай, гражданин, у нас сегодня был жутко тяжелый день. Нам же, понимаешь, давно пора в Банк – грязь со шкуры содрать, выпить по-человечески, а тут – нате вам, пожалуйста – вылезают откуда-то эти фашисты со своей зенитной хреновиной и наносят нам, значит, превентивный удар. Аэростату кранты, и даже этого блядского булыжника мы лишились.

– Весьма прискорбно, – согласился Линдсей.

Президент почесал в затылке:

– Ну да, в таких делах планировать трудно. Приходится решать на ходу. – Он помолчал. – Ладно, херня все. Пошли туда; может, добыча подвернется.

Спикер парламента вынула из кобуры, висевшей на красном плетеном поясе, ручную электропилу и принялась пилить стену купола. Замазка, скреплявшая пластиковые панели, легко поддавалась.

– Если хочешь жить, входить надо там, откуда не ждут, – пояснил президент. – Никогда не входи через шлюз: черт его знает, что там приготовлено.

Он что-то сказал в микрофон-браслет, пользуясь каким-то непонятным для Линдсея жаргоном.

Затем пираты вышибли вырезанный кусок панели и ступили внутрь. Линдсей, не прекращая съемки, последовал за ними. Поставив панель на место, женщина залила швы герметиком из маленького пульверизатора.

Сдернув черепообразную маску, президент втянул носом воздух. Его веснушчатое, невыразительное лицо украшал нос пуговкой; сквозь короткие рыжие волосы глянцевито просвечивала кожа. Все трое вошли в камбуз Восьмой орбитальной. Здесь стояли кресла и низкие столики, возле микроволновой печи лежали штабелем брикеты протеина, а в углу громко бурлили несколько ферментационных баков. У дверного проема на полу лежала мертвая женщина с красным, обожженным лицом.

– Добро, – сказал президент. – Поедим. Спикер сняла маску, явив миру худощавое лицо с маленькими, подозрительными глазками. Подбородок и шею ее покрывала красная сыпь.

Пираты осторожно прошли в следующее помещение. Оно оказалось одновременно спальней и командным пунктом – в центре помещалась стойка с примитивной видеоаппаратурой. Экраны тускло мерцали. Один из них был подключен к камере, следящей за входом; на нем видны были пираты, пробирающиеся к куполу пешим ходом через руины на северо-западе.

– Наши идут, – сказала спикер.

Президент оглядел помещение:

– Неплохо. Пожалуй, мы здесь задержимся. Хоть будет где держать воздух.

Под одной из коек что-то зашуршало. Спикер парламента нырнула туда. Линдсей направил на нее камеру. Последовал пронзительный визг, короткая возня, и она появилась, волоча за собой ребенка. Поставив его на ноги, она завернула ему руки за спину.

Ребенок оказался темноволосым, грязным, неопределенного пола. Глаза его злобно сверкали. Одет он был в подогнанную по размеру униформу Восьмой орбитальной. Несколько зубов во рту не хватало. На вид ему было лет пять.

– Значит, не все тут сдохли, – констатировал президент, нагибаясь и заглядывая ребенку в глаза. – Где остальные?

Он пригрозил ребенку ножом. Клинок появился в его руке словно из ниоткуда.

– Говори, гражданин. А то кишки выпущу!

– погоди, – сказал Линдсей. – Ребенок ведь...

– Не суйся, гражданин. Этому солдатику вполне может быть и восемьдесят. Эндокринные процедуры...

Линдсей, присев перед ребенком, заговорил с ним поласковее:

– Сколько тебе лет? Четыре, пять? На каком языке говоришь?

– Да пустое, – сказала спикер парламента. – Маленькая койка здесь только одна. Наверное, роболеты его просто не засекли.

– Или пощадили, – предположил Линдсей.

– Ну да, счас, – скептически хохотнул президент. – Слушайте, мы ж его банковским блядам можем продать. Минимум три часа внимания.

– В рабство?! – ужаснулся Линдсей.

– Какое-такое рабство? Ты о чем? Не приплетай сюда разных теологий, гражданин. Государство освобождает военнопленного, передавая его третьей, незаинтересованной стороне. Совершенно законная сделка.

– Не хочу к блядам, – запищал ребенок. – Хочу к фермерам.

– К фермерам? – протянул президент. – Не понравится тебе у фермеров, микрогражданин. Может, тебя с оружием обращаться учили? Маленький боевичок нам бы не помешал. Пролезть, к примеру, по воздуховоду...

– Кстати, фермеров ты недооцениваешь.

Линдсей указал на экран. По внутреннему склону Дзайбацу шли, впрягшись в лямки волокуши, дюжины две фермеров. Они увозили мертвых солдат Восьмой орбитальной армии.

– Мать вашу! – зарычал президент. – Они бы и мне пригодились! Хотя, – ухмыльнулся он, – их тоже можно понять... В этих трупах – куча доброго протеина.

– Хочу к фермерам! – канючил ребенок.

– Пусть идет, – посоветовал Линдсей. – У меня совместные дела с Гейша-Банком, можно договориться с ними о поддержке для вас.

– Да? – Спикер парламента отпустила руку ребенка.

– Да, – кивнул Линдсей. – Дня через два я их уговорю.

Она взглянула мужу в глаза:

– А он – очень даже ничего. Давай назначим его госсекретарем.

*Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия
02.01.16*

Гейша-Банк располагался в комплексе старинных, покрытых для герметичности шеллаком и соединенных путаницей переходов из полированного дерева и бумажных раздвижных шлюзов зданий. Задолго до упадка Дзайбацу здесь были кварталы «красных фонарей». Такой преемственностью Банк гордился; талантливая молодежь продолжала и развивала эксцентрические традиции предков.

Оставив одиннадцать граждан Горняцкой Демократии Фортуны в антисептической сауне под мочалками бесстрастных банщиков, Линдсей отправился по делам. Пираты уже несколько месяцев не имели возможности нормально помыться. Тела их бугрились мускулами – результат прилежных занятий невесомостным дзюдо. Потную кожу покрывали устрашающие татуировки и следы сыпи.

Линдсей прошел в раздевалку и отдал свою униформу, полученную от Черных Медиков в чистку и глажку, облачившись взамен в мягкое коричневое кимоно. К нему подошел гейша-мужчина, из тех, что пониже рангом, в кимоно и оби:

– Чего желаете, господин?

– Я желал бы переговорить с яритэ.

Вежливый взгляд гейши на миг стал скептическим.

– Один момент. Я только узнаю, готов ли наш исполнительный директор к приему гостей.

Он исчез. Через полчаса на смену ему появилась гейша-женщина, блондинка в деловом костюме и оби.

– Мистер Дзе? Пожалуйста.

Он проследовал за нею до лифта, охраняемого двумя мужчинами, вооруженными электродубинками. Охранники были настоящими великанами – голова Линдсея едва доставала любому из них до локтя. Длинные, непроницаемые лица выдавали акромегаликов: деформированные, непомерно разросшиеся челюсти, резко выдающиеся скулы... Вероятно, растили их на гормональных стимуляторах.

Поднявшись на три этажа, лифт остановился.

Линдсей увидел прямо перед собой плотную завесу из ярких бус. Тысячи звонких нитей, унизанных бусинами, свисали с потолка, опускаясь до самого пола. Любое прикосновение тут же потревожило бы занавесь.

– Возьмите меня за руку, – велела банкирша. Линдсей осторожно шагнул следом, подняв ужасный трезвон. – Ступайте осторожно, – добавила провожатая. – Здесь западни.

Линдсей, зажмурившись, подался за ней. Наконец она остановилась. В зеркальной стене открылась потайная дверь. Линдсей прошел в личные покои яритэ.

Пол был выложен старинным деревом, натертым до темного глянца. Под ногами лежали плоские квадратные подушки с набивным орнаментом из стеблей бамбука. Слева от Линдсея находились двустворчатые стеклянные двери, ведущие на залитый солнцем деревянный балкон. Дальше располагался роскошный сад; среди скрюченных сосенок и японских вишен вились дорожки, усыпанные ослепительно белой галькой. В комнате стоял запах свежей зелени. Зачарованный, Линдсей любовался образами былого, не пораженного еще гнилью Дзайбацу, проецируемыми на фальшивые, никуда не ведущие двери...

Яритэ со скрещенными ногами сидела на одной из подушек. Это была престарелая механистка с ярко накрашенным ртом и полужакрытыми глазами змеи. Ссохшуюся ее головку украшал лакированный шлемоподобный парик, проткнутый длинными деревянными булавками. Расшитое цветами кимоно топорщилось жесткими складками; казалось, оно держится лишь на крахмале и на распорках. Внутри кимоно свободно поместились бы три таких, как она.

Вторая женщина сидела у правой стены лицом к изображению сада. Линдсей тут же узнал в женщине шейпера. Не только по изумительной красоте – ее окружало то самое, наподобие магнитного поля, неуловимое обаяние, присущее перестроенным. В ней соединились африканские и азиатские гены – миндалевидные глаза в сочетании с темной кожей. С выражением отрешенной преданности на лице сидела она, подогнув под себя ноги, перед белой клавиатурой синтезатора.

– Не забывай о своих обязанностях, Кицунэ, – не оборачиваясь, сказала яритэ.

Пальцы девушки пробежались по клавишам. Звуки синтезатора – древнейшего из японских инструментов – заполнили комнату.

Линдсей опустил на подушку, к старухе лицом. Сбоку к нему подкатил чайный столик. Кипяток заструился в чашку; фарфор издал легкий звон. Затем в чашку легла заварная ложечка с чаем.

– Ваши друзья-пираты, – заговорила старуха, – пустят вас по миру.

– Это – всего лишь деньги, – сказал Линдсей.

– Это – наша тяжелая малоприятная работа. Вы полагаете, нам приятно пускать ее по ветру?

– Я нуждался в вашем внимании, – сказал Линдсей.

Навыки дипломата с первых секунд включились в работу, но он опасался девушки. Вот уж кого он не ожидал здесь встретить, так это шейпера! К тому же в поведении старухи имелись какие-то странности. Наркотики, вероятно. Или механистская перестройка нервной системы.

– Вы явились сюда в одежде Черных Медиков. Поэтому не могли не привлечь к себе внимания. Мы слушаем.

Линдсей расширил и углубил свой план при помощи Рюмина. Но Гейша-Банк запросто мог разрушить все его замыслы; если так, нужно привлечь их на свою сторону. Он понимал, чего желают здешние заправилы. Он был готов изобразить для них зеркало. Если они узнают в нем собственные амбиции и мечтания, он выиграл.

Линдсей начал заранее продуманное представление.

– Итак, вы видите, что надеются извлечь из представления Черные Медики. Они замкнуты в четырех стенах, а это ведет к паранойе. Финансируя постановку нашей пьесы, они надеются укрепить свой престиж. – Он выдержал театральную паузу. – Но мне нужна труппа. Гейша-Банк – вот для меня источник талантов. Без Черных Медиков я еще обойдусь, но без вас обойтись не смогу.

– Понимаю, – проговорила яритэ. – Теперь объясните: отчего, вы полагаете, будто мы можем извлечь из ваших замыслов выгоду?

Взгляд Линдсея сделался до боли обиженным.

– Я прибыл сюда ради культурного мероприятия. Неужели этого недостаточно?

Он покосился на девушку. Пальцы ее быстро перебирали клавиши. Внезапно она подняла голову и с легкой улыбкой заговорщицы заглянула в его глаза. Меж ровных, великолепных ее зубов мелькнул кончик языка. Улыбка блистательной хищницы, полная вожеления и соблазна. Кровь закипела у него в жилах. Волосы на затылке вздыбились. Самообладание ускользало.

Спина Линдсея покрылась гусиной кожей. Он опустил глаза.

– Хорошо, – с трудом выговорил он. – Я вижу, вам этого недостаточно. И это меня не удивляет. Видите ли, мадам, вы соперничаете с Медиками уже много лет... А я предлагаю вам шанс выманить их на открытое место и заставить сражаться на вашей территории. В финансовых вопросах они – наивные младенцы! Наивные – и жадные. Им очень не нравится оперировать в финансовой системе, контролируемой вами. Дай им хоть малейшую надежду на успех, и они тут же приступят к формированию собственной экономики. Так не мешайте же им. Пусть формируют. Пусть сами себя загоняют в гроб. Пусть раз за разом снимают навар, пока не потеряют чувство меры и не падут жертвами собственной жадности. А потом – проткните их пузырек.

– Нонсенс, – сказала старуха. – Актер учит банкира вести дела?

– Поймите, что вы имеете дело не с механистским картелем, – подавшись вперед, убежденно сказал Линдсей. Он знал, он чувствовал, что девушка смотрит сейчас на него, – Там просто три сотни техников, усталых, напуганных, полностью изолированных... Идеальная жертва для массовой истерии. Лихорадка азарта захлестнет их быстрее любой эпидемии. – Он вновь выпрямился. – Поддержите меня, мадам. Я стану вашим агентом, вашим брокером и посредником. Они никогда не подумают, что за их крахом стоите вы. Да что там – они явятся к вам просить помощи!

Он поднес к губам свою чашку. Чай отдавал синтетикой.

Старуха словно бы размышляла, но лицо ее выражало совсем другое. Ни единого признака, выдающего течение мыслей, ни единого движения рта, век, горла... Лицо старухи было не просто спокойным. Оно было абсолютно недвижимым.

– Перспективы есть, – наконец сказала она. – Но дело должен контролировать Банк. Негласно, но полностью. Как вы нам гарантируете контроль?

– Контроль будет вашим, – пообещал Линдсей. – Воспользуемся моей компанией, «Кабуки Интрасолар», как прикрытием. Вашими связями за Пределами Дзайбацу – для выпуска фиктивных акций. Я выброшу их на здешний рынок, а Банк будет вести себя нерешительно, что позволит Медикам одержать блистательную победу и захватить контроль над предприятием. Фиктивные держатели, ваши агенты, запаникуют и начнут предлагать новым владельцам за их акции огромные деньги. Это развеет сомнения Медиков и придаст им уверенности в себе. Вы же будете взаимодействовать со мной в открытую. Поставите актеров и актрис; вы будете ревностно бороться за это право... Ваши гейши всем клиентам уши прожужжат о постановке. Вы распространите слухи о моем обаянии, гении и скрытых ресурсах, будете подчеркивать мою экстравагантность и окружите наше предприятие атмосферой беззаботного гедонизма. Таким образом мы кинем весь Дзайбацу.

Старуха молчала. Глаза ее невидяще взирали в пространство.

Низкие, чистые звуки синтезатора внезапно оборвались. Отзвуки еще какое-то время витали в воздухе.

– И все получится как задумано? – спросила девушка.

Он взглянул ей в лицо. Покорное выражение исчезло, словно слой грима. Выражение темных глаз потрясло. Их переполняло откровенное, всепоглощающее желание. Линдсей ни на миг не усомнился в искренности этих глаз – такое лежит за гранью притворства. Что там – за гранью человеческого!

Не помня себя, он встал на одно колено, все так же глядя в ее глаза.

– Да, – хриплым голосом проговорил он. – Клянусь.

Пол холодил ладонь. Только тут он осознал, что невольно, едва не ползком, движется к ней.

А она все смотрела на него и смотрела, и вожеление в ее взгляде было смешано с восхищением.

– Кто ты? Скажи, дорогой! Скажи мне правду!

– Как и ты. – Он заставил себя остановиться. Руки дрожали. – Производство шейперов.

– Я хочу рассказать тебе, что они сделали со мной. Позволь, я расскажу о себе.

Линдсей лишь кивнул – от болезненного возбуждения пересохло в горле.

– Хорошо, – выдал он. – Расскажи, Кицунэ.

– Меня отдали хирургам. Они удалили матку и добавили нервных тканей. Соединили центр наслаждения с задом, горлом и позвоночником – и это лучше, чем быть богом, мой дорогой. Когда я возбуждена, я потею духами. Я чище стерильной иглы, а все, что исторгает мое тело, можно пить, подобно вину, или есть, подобно пирожным. И мне оставили мой острый, ясный разум, чтобы я знала, что такое смирение. Дорогой, ты знаешь, что такое смирение?

– Нет, – резко ответил Линдсей. – Зато знаю, что такое – плевать на смерть.

– Мы не похожи на других, – сказала она. – Они от нас отказались. И теперь мы можем делать с ними все, что только пожелаем, ведь правда?

Переливчатый ее смех вгонял в дрожь. С балетной грацией Кицунэ перепрыгнула клавиатуру синтезатора.

Босая ее ступня пнула старуху в плечо, и яритэ со стуком упала. Лакированный парик, разметав ленты, отлетел в сторону. Голый череп старухи был покрыт сетью разъемов.

– Клавиатура... – вырвалось у него.

– Она – мой фасад, – пояснила Кицунэ. – Такова моя жизнь – фасады, фасады, фасады... Реально лишь наслаждение. Наслаждение властью.

Линдсей облизнул пересохшие губы.

– Дай же мне настоящее, – сказала она.

Одним рывком она развязала оби. Кимоно ее украшал орнамент из ирисов и фиалок. Кожа под кимоно – раз к такой прикоснуться, а там не жалко и умереть...

– Иди сюда, – позвала она. – Дай моим губам твои губы.

Приблизившись, Линдсей обнял ее. Горячий язык глубоко скользнул в его рот, принеся с собой прятный привкус.

Ее слюнные железы вырабатывали наркотик.

Они опустили на пол под мертвенным взглядом полуприкрытых старухиных глаз.

Ее руки скользнули под его кимоно.

– Шейпер, – сказала она. – Я хочу твоё тело.

Теплая ладошка ласкала пах. Он подчинился.

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия

16.01.16

Линдсей лежал в куполе Рюмина на полу, прижав ладони к вискам. На левом его запястье был золотой браслет с двумя рубинами. Черное атласное кимоно с едва заметным тканым рисунком из ирисов и брюки-хакама соответствовали самой последней моде.

На правом рукаве кимоно красовалась эмблема фиктивной корпорации «Кабуки Интра-солар» – стилизованная белая маска с черной и красной лентами поперек глаз и рта. Задранный рукав кимоно обнажал кровоподтек от укола на сгибе локтя. Он работал на стимуляторах.

– Хорошо, – сказал Линдсей, снова поднося к губам микрофон, – Сцена третья. Амисима. Сихэй: «Сколь далеко ни уйдем, нигде не отыщется места, отмеченного знаком самоубийства. Погибнем же здесь». Далее – Кохару: «Да, поистине так. Одно место не лучше другого, чтобы умереть. Но я подумала: найдя тела наши рядом, люди скажут, что Сихэй и Кохару совершили самоубийство любящих. Представляю, как возненавидит и проклянет меня твоя жена. Так убей же меня здесь, а потом найди себе место подальше». Опять Сихэй...

Внезапно Линдсей замолчал. Рюмин, пока он диктовал, занимался странным каким-то делом. Нечто наподобие ленточек плотной коричневой бумаги он уложил продолговатой кучкой на листке тонкой белой бумаги, после чего свернул из белой бумаги трубочку и заклеил языком шов.

Зажав в губах кончик бумажного цилиндрика, он взял какое-то металлическое устройство и нажал кнопку на его крышке. Линдсей, удивленно глазевший на него, издал громкий вопль:

– Огонь! Господи боже, огонь! Огонь!

Рюмин выдохнул облачко пара.

– Что за хрень с тобой такая? Крохотный язычок пламени никому не повредит.

– Но это же огонь! Боже милосердный, я никогда в жизни не видел открытого огня. – Линдсей понизил голос. – А ты уверен, что сам не загорись? – Он с опаской смотрел на Рюмина. – У тебя легкие дымятся!

– Да нет же. Это такое новшество. Совсем маленький новый порок, – пожал плечами старый механист. – Может, малость и вреден – так ведь полезных пороков не бывает.

– Что это у тебя?

– Кусочки бумаги, пропитанной никотином. Ну и плюс кое-какие ароматизаторы. Довольно-таки неплохо. – Он вынул сигарету изо рта. Взглянув на тлеющий кончик, Линдсей содрогнулся. – Да ты не дергайся. Здесь – не то, что в других колониях. Огонь не страшен. Грязь не горит.

Снова опустившись на пол, Линдсей издал стон. Мозг его тонул в воспоминаниях. Голова болела. Им владело неописуемое чувство: словно в первое мгновение приступа дежа вю. Словно хочешь чихнуть, а никак не чихается...

– Ну вот, место из-за тебя потерял, – брюзгливо сказал он Рюмину. – Подумать только, сколько все это для меня значило! Эти пьесы, заключающие в себе все сохранившиеся ценности человеческой жизни!.. Оставленные нам в наследство, когда не было еще ни шейперов, ни механистов. Человеческая, непрочная, первозданная жизнь...

Рюмин стряхнул пепел в черный футляр от объектива.

– Ты, мистер Дзе, рассуждаешь как орбитальный абориген. Настоящий «цепной». Где твоя родина? В ССР Моря Кризисов? Или в Коперникианском Содружестве?

Линдсей втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

– Ладно, прости уж мне мое стариковское любопытство, – сказал Рюмин, выпуская густое облако дыма и почесывая красный след от видеоочков на виске. – Давай-ка я тебе объясню, мистер Дзе, в чем твои трудности. Вот ты прочел три композиции: «Ромео и Джульетта», «Трагическая история доктора Фаустуса» и – последнюю – «Самоубийство влюбленных на Амисима». На мой взгляд, как-то это все – не то.

– Да-а? – протянул Линдсей возмущенно.

– Да. Во-первых, малопонятно. Во-вторых, мрачно до невозможности. И в-третьих, что хуже всего, пьесы эта – доиндустриальные. А теперь – что я думаю в целом. Ты организовал дерзкое жульничество» вызвал невообразимую суматоху и весь Дзайбацу поставил на уши. В возмещение надо бы хоть немножко развлечь народ.

– Развле-ечь?

– Да. Я же знаю бродяг. Им нужно, чтобы, их развлекали, а не лупили по репе тяжело-весными древностями. Они хотят слушать о настоящих людях, а не каких-то там дикарях.

– Но..., тогда это уже будет не человеческой культурой...

– И что с того? – Рюмин пыхнул сигаретой. – Я тут поразмыслил... Словом, ты мне прочел три этих «пьесы», и суть я ухватил. Не шибко-то это сложно. Пожалуй, дня за два-три сработаю подходящую.

– Думаешь?

Рюмин утвердительно кивнул.

– Только придется кой от чего избавиться.

– Например?

– Первым делом – от гравитации. Кроме как в невесомости хороший танец или же драку не изобразить.

Линдсей сел прямо.

– Танец или драку?!

– Точно. Публика-то у нас какая? Бляди, фермеры, два десятка пиратских шаек да полсотни беглых математиков. Драки и танцы всем им понравятся. Сцену – долой, слишком плоская. Занавес тоже, это все при помощи света сделаем. Ты-то, может быть, и привык к старинным околотунным станциям с их проклятым центробежным тяготением, но современным людям нравится невесомость. Бродяги и так достаточно в жизни натерпелись – пусть у них хоть в кои-то веки будет праздник.

– Это что же – забираться в невесомость?

– Ну да. Соорудим аэростат – огромный пузырь, надуем... Запустим с посадочной площадки и закрепим растяжками. Тебе же всяко пришлось бы строить театр, правильно? Так что мешает соорудить его в воздухе? Всем виден будет.

– Конечно. – Линдсей улыбнулся. Он начал проникаться идеей. – И нарисует на нем эмблему Корпорации.

– И флаги снаружи вывесим.

- А внутри будем продавать билеты. Билеты и акции... – Линдсей громко захохотал. – Я знаю даже, кто нам его построит!
- Только названия не хватает. Пусть называется... «Пузырь Кабуки»!
- «Пузырь»! – Линдсей прихлопнул по полу. – Точно!
- Рюмин улыбнулся, скручивая новую сигарету.
- Слушай, – сказал Линдсей, – а дай-ка и мне попробовать.

* * *

ПОСКОЛЬКУ наш народ на протяжении всей своей истории достойно встречал новые начинания ПОСКОЛЬКУ государственному секретарю Лин Дзе потребовались специалисты по техническим вопросам воздухоплавания, каковых среди наших граждан множество ПОСКОЛЬКУ государственный секретарь Дзе как представитель автономной корпораций «Кабуки Интрасолар» подтвердил согласие оплатить народный труд щедрой долей акций поименованной Корпорации Парламентом Горняцкой Демократии Фортуны при поддержке Сената ПОСТАНОВЛЯЕТСЯ: Народ берет на себя постройку зрительного зала «Пузырь Кабуки», принимает участие в рекламной кампании акций «Кабуки», а также обеспечивает политическую и физическую защиту имущества, персонала и оборудования «Кабуки».

* * *

- Отлично. – Линдсей заверил документ и спрятал Государственную печать Фортуны обратно в кейс. – Раз ГДФ обеспечивает безопасность, то я спокоен.
- Да что там, – сказал президент. – Всякий наш дип, кому надо, может иметь сопровождающих хоть двадцать четыре часа в сутки. Особенно если идет в Гейша-Банк, ты ж понимаешь.
- Резолюцию нужно размножить и распространить по Дзайбацу. Это поднимет акции пунктов на десять. – Линдсей взглянул в глаза президента. – Только не жадничайте. Когда поднимутся до полутораэта, начинайте понемногу продавать. И корабль держите наготове.
- Не беспокойся, – подмигнул президент, – Мы тут тоже в носу не ковырялись. Такое соглашенище подписали с одним меховским картелем! А то – охрана занятие неплохое, но для народа утомительное. Когда приведем в норму «Красный Консенсус», придет наше время повеселиться.

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия
13.03.16

Совершенно вымотавшийся, Линдсей спал, подложив под голову атташе-кейс. За фальшивыми дверями занималась рукотворная заря. Кицунэ задумчиво перебирала клавиши синтезатора.

Ее искусство давно превзошло пределы простого технического навыка. То было подлинное мастерство, исходящее из самых темных глубин подсознания. Синтезатор мог повторить и превзойти любой инструмент, мог разложить его звуковой портрет на отдельные волновые колебания и вновь воссоздать – в абстрактной, стерильной чистоте. Музыка его была проникнута до болезненности логичной, безошибочной ясностью.

К ясности этой стремились многие инструменты, но – безуспешно. Неудачи их придавали звучанию некую человечность. А мир человечности – это мир потерь, разбитых надежд, первородного греха; мир, вечно молящий о милосердии, понимании и сострадании... Нет, такой мир – не для нее.

Мир Кицунэ представлял собою фантастическую, чистую, как слеза, реальность порнографии высшего порядка, вечного вождения, не знающего усталости и покоя, прерываемого лишь спазмами сверхчеловеческого напряжения. Вождение вытесняло все прочие проявления жизни – так же как свист обратной связи заглушает целый оркестр.

Будучи создана искусственно, Кицунэ принимала лихорадку своего мира с бездумностью хищника. Жизнь ее была абстрактной и чистой, словно горячая, наизнанку вывернутая святость.

Подобное хирургическое насилие обратило бы обычную человеческую женщину в тупое эротическое животное, однако Кицунэ была шейпером и поэтому – наделена сверхчеловеческими шейперскими гением и стойкостью. Узость мира Кицунэ превратила ее в нечто острое и скользкое, подобное намаасленному клинку стилета.

Восемь лет из своих двадцати провела она в Банке, где общалась с клиентами и соперниками на условиях, полностью для нее понятных. И все же она знала, что существует огромная область умственного, естественная для всего человечества и недостижимая для нее.

Стыд. Гордость. Вина. Любовь... Все эти чувства были для нее размытыми тенями, мрачным, презренным мусором, сгорающим дотла в мгновенном взрыве экстаза. Она была способна к человеческим чувствам, но редко обращала внимание на такие мелочи. Они оставались в ней, словно второе подсознание, скрытый интуитивный пласт, погребенный под постчеловеческим образом мышления. Сознание ее было сплавом холодной практической логики и судорожного наслаждения.

Кицунэ понимала, что Линдсею – при его примитивном мышлении – до нее далеко. Она питала к нему нечто наподобие жалости, некое невнятное, неосознанное сочувствие. Она считала его очень старым шейпером, из первых поколений. В те времена возможности генной инженерии были еще ограничены, и шейперы лишь слегка отличались от изначального человеческого сырья.

В таком случае ему, должно быть, не меньше ста лет. Выглядеть в этом возрасте столь молодо невозможно без действенной технологии продления жизни. Он представлял собой ту эпоху, когда искусство перекраивания человека еще не обрело настоящей силы. Тело его было полно бактерий. Но ни об антибиотиках, принимаемых ею, ни о мучительных антисептических душах, ни о суппозиториях Кицунэ ему не рассказывала. Зачем ему знать о том, что он ее заражает? Пусть все между ними останется чистым...

Она испытывала к Линдсею холодное уважение. Он был для нее источником удовлетворения – бескорыстного и платонического. Уважение к нему было уважением мастера к инструменту, мясника к острому стальному клинку. Пользование им доставляло ей удовольствие. Хотелось, чтобы он не сломался чересчур быстро, и она с наслаждением доставляла ему то, что, по ее мнению, было необходимо ему для долгого функционирования.

Для Линдсея же порывы ее были сокрушительными. Лежа на татами, он разлепил веки и тут же потянулся к кейсу под головой. Пальцы его сомкнулись на пластиковой ручке, и сигнал тревоги в сознании отключился, но это первое облегчение лишь пробудило к жизни другие системы, и он пришел в полную боевую готовность.

Он увидел, что находится в покоях Кицунэ. В саду за стеклянными дверями занималось утро. Свет искусственной зари выхватывал из темноты инкрустированные комоды и окаменелый бонсай под плексигласовым колпаком. Некая подавленная часть его испустила отчаянно-жалобный стон, но он не обратил на это внимания. Новая лекарственная диета восстановила до полного объема полученные от шейперов навыки, и потакать собственной слабости Линдсей не собирался. Он был готов к действию, словно стальной капкан, и полон неспешной терпеливости, придававшей реакции и восприятию постоянную предельную отточенность.

Он сел и увидел Кицунэ за клавиатурой.

– С добрым утром.

– С добрым утром, дорогой. Хорошо выспался?

Линдсей прислушался к ощущениям. Какой-то из ее антисептиков обжег ему язык. На спине, оставленные ее по-шейперски сильными пальцами, чувствительно побаливали кровоподтеки. В горле першило – надышался вчера нефилтрованным воздухом... – Замечательно, – улыбнулся он, отпирая хитрый замок кейса.

Надев кольца, он влез в хакама.

– Хочешь есть?

– Нет, до инъекций не буду.

– Тогда помоги включить мой фасад.

Линдсей подавил дрожь отвращения. Он терпеть не мог высохшее, воскоподобное, киборгизированное тело яритэ, и Кицунэ отлично об этом знала. Но заставляла его помогать – то была мера контроля над ним.

Линдсей, понимая это, помогал ей охотно; он, понятным ей способом, хотел отблагодарить Кицунэ за доставляемое ему наслаждение.

Однако что-то такое внутри не желало мириться с этим. В перерывах между инъекциями навыки его на время отключались, и он чувствовал в их отношениях ужасающую печаль. Ему было жаль ее; он сожалел, что никогда не сможет возбудить в ней простого чувства товарищества, простого доверия и уважения...

Но простота здесь была неуместна.

Кицунэ выволокла яритэ из биомониторной колыбели под полом. Существо это в некотором смысле уже давно перешло грань клинической смерти; порой ее приходилось, образно выражаясь, «заводить с толчка».

Технология была та же, какую использовали механистские киборги из радикальных старцев, а также – почти поголовно – граждане механистских картелей. Кровообращением управляли фильтры и мониторы, а внутренние органы контролировал компьютер. Импланты подстегивали сердце и печень гормонами и электроимпульсами. Собственная нервная система старухи давно уже ни на что не годилась.

Оценив показания биомониторов, Кицунэ покачала головой:

– Кислотность повышается быстрее, чем наши акции. Тромбы в мозгу... Старость. На одних проводах и заплатах держится.

Присев на пол, она сунула в рот старухи ложку витаминной пасты.

– Тебе нужно взять управление делами на себя.

Линдсей вставил наконечник капельницы в клапан на сгибе старухино локтя.

– Хорошо бы, но – как от нее избавиться? Как объяснить, откуда у нее в голове гнезда? Можно скрыть путем пересадки кожи, но при вскрытии все равно выплывет. Персонал ожидает, что старуха будет жить вечно. Слишком много на это затрачено. Они пожелают знать, отчего она умерла.

Язык яритэ свело судорогой, и паста выдавилась из ее рта. Кицунэ раздраженно зашипела:

– Тресни ей по физиономии.

Линдсей пригладил всклокоченные со сна волосы.

– С самого утра-то... – почти умоляюще сказал он.

Кицунэ ничего не ответила – лишь слегка выпрямилась; лицо ее превратилось в чопорную маску. И Линдсей сдался. Размахнувшись, он дал старухе жестокую, хлесткую пощечину. На кожистой щеке появилось красное пятно.

– Глаза, – сказала Кицунэ.

Сжав пальцами дряблые щеки старухи, Линдсей повернул ее голову так, чтобы Кицунэ видела ее глаза. Различив во взгляде киборга смутный проблеск сознания, он внутренне содрогнулся.

Отведя руку Линдсея, Кицунэ легонько поцеловала его пальцы:
– Дорогой мой...
С этими словами она сунула ложку меж дряблых старческих губ.

Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия
21.04.16

Пираты фортуны парили у стен «Пузыря Кабуки», словно красные с серебром бумажные силуэты. Воздух содрогался от треска сварки, визга шлифовальных кругов и свиста воздуха в фильтрах.

Свободные кимоно и хакама Линдсея развевались в невесомости. Он, в компании Рюмина, просматривал текст.

– Читку проводили?
– Ну, естественно. Все в восторге, не волнуйся.
Линдсей почесал в затылке. Волосы стояли дыбом.
– Как-то я не совсем понимаю, что из этого выйдет.

Еще до окончания сборки «Пузыря» внутрь проник пятнистый патрульный роболет. На фоне пастельных тонов треугольных панелей его грязно-серый камуфляж выделялся – лучше некуда. Кружа по пятидесятиметровой сфере, робот неустанно обшаривал ее объективами камер и направленными микрофонами. Линдсей был рад его присутствию, однако мельтешение раздражало.

– Сдается мне, я эту историю слышал и раньше. – Он пролистал печатные страницы. Поля – для неграмотных – были густо заполнены карикатурными человеческими фигурками. – Давай проверим, верно ли я понял. Группа пиратов с Троянцев похищает девушку-шейпера. Она – какой-то специалист по системам оружия, так?

Рюмин кивнул. С неожиданным процветанием он освоился быстро и теперь был одет в изысканный комбинезон синего в полоску шелка и свободный берет – последний писк механистской моды. На верхней губе поблескивала бусина микрофона.

– Шейперы, – продолжил Линдсей, – ужасаются тому, что пираты могут извлечь из ее мастерства, поэтому объединяются и осаждают пиратов. В конце концов хитростью проникают к ним и выжигают там все и вся. – Линдсей поднял взгляд. – Такое было на самом деле?

– Старая история, – отвечал Рюмин. – Когда-то нечто подобное действительно имело место. Да, я уверен. Но я спилил серийные номера, так что теперь эта история – моя собственная.

Линдсей одернул кимоно.

– Я мог бы поклясться... А, черт! Говорят, если забудешь что-то под вазопрессином, то уже никогда не вспомнишь. Память выжигается начисто...

Он раздраженно махнул пачкой листов.

– Сам будешь ставить? – спросил Рюмин.

Линдсей покачал головой:

– Хотелось бы, но лучше ставь ты. Ты же понимаешь, что делаешь, да?

– Нет! – весело сказал Рюмин, – А ты?

– Я – тоже... Ситуация уже не в наших руках. За акциями «Кабуки» охотятся внешние вкладчики. Весть пришла по каналам Гейша-Банка. Боюсь, Черные Медики запродают свои бумаги какому-нибудь механистскому картелю. А тогда..., не знаю. Это будет означать...

– Это будет означать, что «Кабуки Итрасолар» стал вполне законным бизнесом.

– Да. – Линдсей скривился. – И, похоже, Черные Медики выйдут из дела без единой царапины. И даже при выгоде. Гейша-Банку это не понравится.

– И что с того? Надо идти вперед, иначе все рухнет. Банк уже заработал кучу денег на продаже акций «Кабуки» Черным Медикам. Старая гримза, управляющая Банком, от тебя без ума. И шлюхи только о тебе и толкуют.

Он указал на пространство сцены. Сцена представляла собою сферу, пронизанную тросами. Дюжина актеров отрабатывала сценические движения. Они перелетали с места на место, описывали петли, крутили сальто, прыгали, падали...

Двое столкнулись на полном ходу и замахали руками, ища опору.

– Эти вот акробаты – пираты, – объяснил Рюмин. – Четыре месяца назад за какой-нибудь киловатт глотки друг другу бы перегрызли. А теперь, мистер Дзе, иное дело. Теперь им есть что терять. Они заболели театром. – Рюмин заговорщически хихикнул. – Теперь они – не какие-нибудь вшивые террористы. И даже шлюхи – уже не просто сексуальные куколки. Они – самые настоящие актеры в самой настоящей «пьесе» с самой настоящей публикой. Мы-то с тобой, мистер Дзе, знаем, что все это – надуваловка, но какая разница. Символ имеет смысл, если кто-то наделяет его смыслом. А они в этот символ вложили все, что могли.

Актеры на сцене продолжили свои упражнения, с яростной решительностью перелетая с проволоки на проволоку.

– Трогательно... – задумчиво сказал Линдсей.

– Трагедия для тех, кто чувствует. А для думающих – комедия.

– Это еще что такое? – Линдсей подозрительно посмотрел на Рюмина. – Что ты задумал? Тот поджал губы.

– У меня запросы простые, – отвечал он с напускной беззаботностью. – Раз этак лет в десять я возвращаюсь в картели и смотрю, не могут ли они для моих косточек учинить чего-нибудь прогрессивное. А то в них прогрессирует лишь потеря кальция, а это, знаешь ли, не смешно. Хрупким становишься... А ты, мистер Дзе? – Он хлопнул Линдсея по плечу. – Не желаешь со мной прокатиться? Систему посмотришь, это тебе пригодится. Там, в пространстве, миллионов двести народу! Сотни поселений, несметное множество культур. И не думай, что они едва-едва зарабатывают себе на жизнь, как эти несчастные bezprizorniki. В большинстве своем они вполне буржуазны. Люди там живут уютно и богато. Возможно, технологии в конечном счете и превратят их в нелюдей, но таков уж их выбор. Причем выбор сознательный. – Рюмин экспансивно взмахнул руками. – Наш Дзайбацу – единственный криминальный анклав. Едем со мной, я покажу тебе сливки Системы. Ты должен увидеть картели.

– Картели... – Линдсей задумался. Присоединиться к, механистам – значит, капитулировать перед идеалами радикальных старцев... В нем вспыхнула гордость. Он поднял глаза. – Ну уж нет! Пусть ко мне сами едут!

*Народный Орбитальный Дзайбацу Моря Спокойствия
01.06.16*

Для первого представления Линдсей сменил изысканные одежды на обычный комбинезон, а кейс обернул мешковиной, чтобы спрятать эмблемы «Кабуки».

Казалось, в «Пузырь» собрались все бродяги мира. Их было больше тысячи. Спасибо невесомости, иначе «Пузырь» такую толпу просто бы не вместил. Конструкция его предусматривала легкие сооружения лож для элиты банка и множество тросов, на которых теснились, как воробьи на ветках, начальники что помельче.

Простая публика парила свободно. Толпа образовала пористую массу из неправильных концентрических сфер. Она текла и переливалась, время от времени в ней возникали широкие проходы. «Пузырь» гудел. Многочисленные жаргоны слились в один общий гул.

Пьеса началась. Линдсей наблюдал за толпой. С первыми фанфарами вспыхнуло несколько стычек, но к началу диалога толпа успокоилась, чему Линдсей немало порадовался – охранника из пиратов Фортуны сегодня с ним не было.

Пираты, выполнив свои обязательства, были заняты подготовкой к отлету, но Линдсей, благодаря анонимности, чувствовал себя в безопасности. Если пьеса совсем уж провалится, он будет всего лишь бродягой, одним из многих присутствующих. А если все сойдет гладко, он успеет переодеться, чтобы выйти отвечать на поклоны.

В первой сцене пираты похищали молодую, прекрасную, гениальную оружейницу, ее играла одна из лучших девушек Кицунэ. Публика визжала от восхищения, любуясь клубами дыма и яркими шариками поддельной крови.

Киберпереводчики, установленные по всему «Пузырю», переводили текст на дюжину языков и диалектов. Было странно: неужели эта многоязычная толпа поймет диалог? Линдсею он казался наивной жвачкой, к тому же – сильно искалеченной плохим переводом, однако зрители слушали с неослабным вниманием.

Первые три действия заняли где-то час. Последовал длинный антракт. Сцена потемнела. Спонтанно образовалось несколько клак – пираты аплодировали своим, тем, что подались в актеры.

Нос болел: воздух внутри «Пузыря» был перенасыщен кислородом, чтобы слегка опьянить и возбудить толпу. Линдсей и сам чувствовал эмоциональный подъем. Восторженные выкрики заражали энтузиазмом. События шли своим ходом. Он, Линдсей, уже ничего не мог изменить.

Он подплыл к стенке «Пузыря», где некие особо предприимчивые фермеры устроили торговые ряды.

Неуклюже цепляясь ногами за петли, укрепленные на каркасе, фермеры бойко торговали местными деликатесами; не имеющие названия зеленые, поджаристые, хрустящие пирожки и белые мучнистые кубики на палочках, разогретые в микроволновых печах, шли нарасхват. «Кабуки Интрасолар» получал с этой торговли процент – идея принадлежала Линдсею. Фермеры с радостью расплачивались акциями «Кабуки».

С акциями Линдсей был осторожен. Вначале он собирался обесценить их вовсе и разорить Черных Медиков, но сам поддался чарам бумажных денег. Кончилось тем, что Медики продали свои бумаги на сторону – с огромной выгодой.

После такого завершения дела Черные Медики были весьма благодарны Линдсею. Проникнувшись искренним уважением к его сметке, они назойливо помогали его советам по биржевым операциям.

Довольны были все. Он предчувствовал, что пьесе обеспечена долгая жизнь. Кроме того, размышлял он, будут и другие дела, большие и лучшие. Живущий сегодняшним днем пиратский мирок идеально подходит для этого, только не останавливайся, не оглядывайся – и не заглядывай вперед дальше очередного жульничества.

А уж об этом позаботится Кицунэ. Он взглянул на ее ложу. Кицунэ с хищной, ленивой грацией парила в воздухе среди старших чиновников Банка, жертв его и ее обмана. Она не позволит ему ни усомниться, ни отступить. И этому Линдсей был только рад. Под ее ревностным руководством он избежит конфликтов внутри себя.

Теперь Дзайбацу – у них в кармане. Но из каких-то глубин сознания сквозь блеск триумфа пробивалась боль. Он понимал, что Кицунэ просто лишена жалости к чему бы то ни было. А вот он, Линдсей, словно бы расколот пополам, и из трещины, разделяющей собственное его «я» и дипломатическое, сочится боль. Вот и сейчас, в минуту торжества, когда так охота расслабиться и насладиться заслуженным отдыхом, она пролезла наружу...

Толпа вокруг ликовала, но что-то мешало ему присоединиться к ликующим. Его точно ограбили, что-то такое отняли, но что – этого он сказать не мог.

Он полез в карман за ингалятором. Добрая понюшка поможет ему взять себя в руки. Сзади слева кто-то тихонько дернул его за рукав. Он быстро обернулся.

Темноволосый, мосластый молодой человек с выразительными серыми глазами держал его за рукав крепкими пальцами правой ноги.

– Приветик, – дружелюбно улыбнулся незнакомец.

Приглядевшись к его лицу, Линдсей был оглушен: он увидел собственное лицо.

– Да ты успокойся, – сказал наемный убийца Линдсеевым голосом.

В лице его было что-то не то. Слишком чистая, слишком новая кожа.словно бы синтетическая.

Линдсей развернулся к нему. Наемник обеими руками держался за трос, но двумя пальцами левой ноги сжал запястье Линдсея. Нога его бугрилась чудовищными мускулами, и связки, очевидно, были перестроены. Хватка оказалась парализующей – кисть тут же онемела.

Незнакомец ткнул Линдсея в грудь пальцами другой ноги.

– Спокойно. Давай-ка поговорим.

Навыки сделали свое дело. Поток адреналина, вызванный ужасом, схлынул, преобразившись в ледяной холод самообладания.

– Как тебе пьеса? – спросил Линдсей.

Незнакомец засмеялся, и Линдсей, понял, что теперь уже это его собственный голос; смех леденил кровь.

– Чего только не увидишь в этом захолустье, – ответил он.

– Тебе бы в нашу труппу, – сказал Линдсей. – Несомненный талант к перевоплощениям.

– Есть немного... – Убийца слегка шевельнул перестроенной ступней, и кости в запястье Линдсея прогнулись, отозвавшись внезапной острой болью, от которой потемнело в глазах. – А в кейсе у тебя что? Что-нибудь интересное для тех, кто дома?

– То есть – на Совете Колец?

– Точно. Проволочные механистские головы говорят, что обложили нас со всех сторон, но не каждый же картель такой шустрый... А подготовка у нас приличная. Можем, к примеру, прятаться под пятнами на совести дипломата.

– Разумно. Замечательная техника. Мы могли бы договориться.

– Предложение весьма заманчивое, – вежливо отвечал наемник.

Линдсей понял, что никаким подкупом тут не отделаешься.

А убийца, отпустив запястье Линдсея, полез левой ногой в нагрудный карман своего комбинезона. Это выглядело жутко и ирреально.

– Держи.

С этими словами он извлек из кармана кассету с видеозаписью. Кассета закружилась в невесомости.

Линдсей сунул ее в карман и снова поднял, взгляд. Убийца исчез. На его месте устроился какой-то бродяга в таком же, как у Линдсея, серовато-коричневом комбинезоне. Он был тяжелее убийцы и волосы имел светлые. Человек равнодушно поглядывал на Линдсея.

Линдсей потянулся было его потрогать, но передумал прежде, чем тот успел что-либо заметить.

Зажглись огни, и на сцену вывалили танцоры. «Пузырь» содрогнулся от воплей энтузиазма. Линдсей поплыл вдоль стены, огибая ноги в петлях и руки, цепляющиеся за рукояти. Так он добрался до шлюза.

Взяв один из платных самолетиков, Линдсей поспешил в Гейша-Банк.

Там было пусто, но кредитная карточка открыла ему вход. Великаны-охранники, узнав его, поклонились. Поразмыв, Линдсей понял, что сказать ему нечего. Да и что тут скажешь? Убейте меня, когда увидите в другой раз?

Птички лучше всего ловятся на зеркало...

Дверная завеса из бус яритэ его защитит. Кицунэ объяснила, как ею управлять изнутри. Даже если убийца ухитрится не угодить в ловушки, изнутри можно убить его высоковольтным разрядом либо острыми стрелками.

Бесшумно миновав занавесь, Линдсей вошел в покои яритэ. Включил видео и вставил в него кассету.

На экране появился образ из далекого прошлого – лучший его друг и человек, покушавшийся на его жизнь. Филип Хури Константин.

– Привет, кузен, – сказал он.

Словцо было взято из аристократического сленга Республики. Но Константин был плебеем. К тому же Линдсей ни разу еще не слышал, чтобы в одно-единственное слово вкладывали столько ненависти.

– Я взял на себя смелость связаться с тобой в ссылке. – Константин выглядел пьяным. Говорил он как-то слишком отчетливо. Круглый ворот старинного костюма открывал потную, загорелую шею. – Некоторые из моих друзей-шейперов разделяют мой интерес к твоей карьере. Они не называют своих агентов убийцами. Шейперы зовут их антибиотиками. Они работали здесь. Одна-другая «естественная смерть» в стане противника снимает множество лишних проблем. Мой трюк с мотыльками – просто детство. Сложно и ненадежно. Однако и он сработал неплохо. Время идет, кузен. За пять месяцев положение сильно изменилось. Провалилась, например, механистская осада. Если шейперов сдавить, просочатся меж пальцев. Победить их нельзя. Это самое мы еще мальчишками друг другу говорили. Верно, Абеляр? Когда будущее наше было столь светлым, что мы аж ослепляли друг друга... Еще до того, как узнали вкус крови... Шейперы нужны Республике. Колония гниет. Без бионаук ей не жить. Это понимают даже радикальные старцы. Кстати, кузен, мы ведь никогда с ними толком не говорили. Ты не давал – слишком уж ненавидел их. Теперь понятно, почему. Они похожи на тебя, Абеляр. Они в некотором роде твое зеркальное отражение. Сейчас ты знаешь, как это потрясает – столкнуться с таким. – Константин, ослабившись, пригладил ладошкой свои курчавые волосы. – Но я говорил с ними. И договорился. У нас – переворот. Рекомендательный Совет распущен. Власть принадлежит Исполнительному Комитету Выживания Нации. То есть мне и некоторым нашим друзьям – презервационистам. Мы были правы: смерть Веры многое здесь изменила. Теперь у презервационистов есть собственная мученица. Они полны непреклонной решимости. Радикальные старцы уходят. Эмигрируют в механистские картели, где им самое место. Расходы оплатят аристократы. За тобой, кузен, последовали многие: Линдсей, Тайлеры, Келланды, Моррисеи – вся эта хилая аристократия. Политические беженцы. Среди них и твоя жена. Их сдавило между шейперами-детьми и механистами-дедами – и выбросило на свалку. Все они – твои. Я хочу, чтобы ты тут привел все в порядок. Если не желаешь, вернись к моему посланнику. Он все уладит. – Константин улыбнулся, обнажив ровные, мелкие зубы. – Из этой игры выходят только через смерть. И ты и Вера – отлично это понимали. Теперь я – король, а ты – пешка.

Линдсей выключил видео.

Он был сокрушен. «Пузырь Кабуки», раздувшийся до гротескной твердости, – вот его амбиции, которым суждено было лопнуть.

Теперь он попался. Беженцы из Республики его разоблачат. Блестящий обман рассыплется в пыль, оставив его голым и беззащитным, Кицунэ узнает, что ее любовник-шейпер – простой человечешка.

Придется бежать. Этот мир нужно оставить немедленно. Времени на раздумья не осталось.

Сознание его металось в клетке. Жить здесь под контролем Константина, подчиняясь его приказам и выполняя его распоряжения, – об этом нечего даже думать.

Снаружи ждет убийца, укравший его облик. Новая встреча с ним – смерть. Но если исчезнуть сию минуту, можно от него оторваться. Значит, пираты.

Линдсей потер посиневшее запястье. Из глубин сознания медленно вздымалась вскипающая ярость, злость на шейперов, на их сокрушительную изобретательность в борьбе за жизнь. Их борьба оставляет после себя чудовищ. Убийцу, который ждет снаружи. Константина. Его самого.

Константин был младше Линдсея. Он доверял Линдсею, смотрел на него снизу вверх. Но, вернувшись с Совета Колец на каникулы, Линдсей с болью понял, насколько шейперы его переделали. И это он сам отправил Константина в их руки. Как всегда, нашел веские доводы «за», и мастерство Константина действительно пригодились всем, но сам-то Линдсей понимал, что сделал это только ради себя самого, просто чтобы не остаться за оградой полного одиночества.

Константин всегда был амбициозен, и он, Линдсей, пока меж ними было доверие, заменил это доверие исхищенностью и обманом. Раньше их соединяли идеалы – теперь соединяет убийство.

Линдсей ощутил какое-то уродливое родство между собой и убийцей. Тренировали и обучали их, судя по всему, одинаково. Ненависть к самому себе заставляла его еще больше трепетать перед боевиком.

Он украл лицо Линдсея... Во внезапной вспышке интуиции Линдсей понял, как обратить силу убийцы против него же самого.

Нужно просто поменяться местами. Он, Линдсей, совершит какое-нибудь ужасное преступление, а вина падет на наемника.

Преступление это необходимо Кицунэ. Пусть же оно будет ей прощальным подарком. Посланием, понятным лишь ей одной. Он даст ей свободу, а счет оплатит враг.

Открыв кейс, он выбросил из него кипу акций. Затем, отодвинув панель пола, взглянул на тело старухи яритэ, обнаженное, возлежащее на сморщенном гидравлическом ложе. Он оглядел комнату в поисках чего-либо режущего...

Глава 3

Космический корабль «Красный Консенсус»

02.06.16

Когда последняя из разгоночных ракет Дзайбацу отошла и в работу включился маршевый двигатель «Красного Консенсуса», Линдсей подумал, что теперь он в относительной безопасности.

– Ну так как, гражданин? – спросил президент. – Товар взял и – бродяжить? Что в чемоданчике, а, госсек? Замороженные наркотики? Или, может, софты ¹ горяченькие?

– Это подождет, – отвечал Линдсей. – Проверим сначала лица каждого, кто здесь есть. Убедимся, что они не поддельные.

– Сбрэндил ты, вот что, – сказал один из сенаторов. – Твои «антибиотики» – чернуха для агитпропа. Такого не бывает.

– Ты в безопасности, – заверил президент. – Уж поверь, мы знаем корабль до последнего ангстрема. – Он бережно смахнул с мешковины, в которую был обернут кейс, громадного таракана. – Ты с добычей, верно? Хочешь купить долю в каком-нибудь картеле? Вообще-то у нас дела, но можно завернуть в Пояс – скажем, к Беттине или Фемиде. Только за это, – президент нехорошо улыбнулся, – придется платить.

– Я остаюсь с вами, – сказал Линдсей.

– Ага! Тогда чемоданчик – общий!

Он выхватил у Линдсея кейс и бросил его спикеру парламента.

– Я сам открою, – поспешно сказал Линдсей. – Дайте вначале объяснить...

– Конечно, – сказала спикер. – Объяснишь, сколько это стоит.

Она принялась резать кейс портативной электропилой. Посыпались искры, завоняло горелым пластиком. Линдсей отвернулся.

Справившись с крышкой, спикер придавила кейс коленом, чтобы не уплыл, запустила руку внутрь и извлекла добычу Линдсея. Отрезанную голову яритэ.

Спикер, бросив голову, отскочила с яростным шипением кошки, которой прижали хвост.

– Взять его! – взвыл президент. Двое сенаторов, оттолкнувшись ногами от стен, взяли руки и ноги Линдсея в болезненные захваты дзюдо.

– Ты и есть этот самый убийца! – рыкнул президент. – Тебя наняли прикончить старую механистку. Тут никакого товара нет! – Он с отвращением взглянул на усеянную разъемами голову. – Отнеси эту пакость в рециклер, – велел он одному из депутатов. – Мне таких штук на борту не надо. – Депутат брезгливо поднял голову за прядку редких волос. – Хотя погоди. Сначала снеси в мастерскую и вытащи всю электронику.

Он повернулся к Линдсею:

– Значит, так, гражданин. Ты – наемный убийца?

Возражать было как-то неудобно.

– Конечно, – не задумываясь, ответил Линдсей. – Как скажете.

Воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием – металл маршевых двигателей постепенно нагревался.

– Давайте вышвырнем этого говнюка в вакуум, из шлюза, – предложила спикер парламента.

---

¹ Софт – устоявшийся термин, обозначающий программное обеспечение для компьютеров (по-английски «software»).

– Нельзя, – возразил председатель Верховного Суда» старый, едва живой механист, страдавший носовыми кровотечениями. – Он является государственным секретарем и не может быть приговорен без сенатского импичмента.

Трое сенаторов – двое мужчин и женщина – явно заинтересовались такой идеей. У Сената крохотной Демократии дел было немного. Парламент превосходил их числом, а из всей команды они пользовались наименьшим доверием.

Линдсей пожал плечами. Вышло превосходно: он прочувствовал президентскую манеру держать себя, и подражание несколько разрядило обстановку. Теперь можно было говорить.

– Здесь – политическое дело.

Голос звучал устало; чувствовалось, что говорящий совершенно вымотан и опустошен. Жажда крови у окружающих шла на убыль, ситуация стала предсказуемой и даже не очень-то интересной.

– Я работал для Корпоративной республики Моря Спокойствия. Там – переворот. Они высылают множество народу в Дзайбацу. Я должен был расчистить им путь.

Ему, очевидно, верили. Тогда он придал голосу выразительности:

– Но это же – фашисты! Я предпочел бы служить демократическому правительству. Кроме этого, они послали за мной антибиотика. По крайней мере, я полагаю, что именно они. – Улыбнувшись, он развел руками, как бы невзначай освободив их из ослабевших захватов. – Разве я вам хоть раз солгал? Я ведь не говорил, что я не убийца! И вспомните, какие деньги вы с моей помощью заработали!

– Ага. Это точно, – рассудительно сказал президент. – Но голову-то зачем было отрезать?

– Я выполнял приказ, – сказал Линдсей. – Я это умею, господин президент. Вот увидите.

Космический корабль «Красный Консенсус»

13.06.16

Голову киборга пришлось взять с собой, чтобы гарантированно развязать руки Кицунэ, сохранив в тайне способ властвовать. Да, он обманывал ее, но на прощание, в качестве извинения, освободил. И наказание за это понесет шейпер-наемник. Линдсей надеялся, что Гейша-Банк просто разорвет беднягу на части.

Он совладал с ужасом. Учителя-шейперы предостерегали его, уча не поддаваться подобным чувствам. Будучи заброшен в новую обстановку, дипломат должен подавить все мысли о прошлом и немедленно принять лучшую из возможных защитных окрасок.

Линдсей подчинился навыкам. Втиснутый в крохотный космический корабль Горняков Фортуны (нацию числом в одиннадцать человек), он почувствовал семиотику окружающей среды почти как физическое давление. Трудно сохранить чувство перспективы, если заперт в жестянке за компанию с одиннадцатью психами.

Ему не приходилось летать на настоящих кораблях со дней обучения на Совете Колец. Механистский катер, доставивший его в ссылку, не в счет – пассажиры его были просто грудами мяса, нашпигованными наркотиками. «Красный Консенсус» же был жилым кораблем, прослужившим уже двести пятнадцать лет.

За несколько дней, подмечая свидетельства его исторического прошлого, Линдсей узнал о корабле больше, чем сами хозяева.

Жилые палубы некогда принадлежали земному национальному сообществу, исчезнувшей группировке под названием «Советский Союз», или СССР. Будучи запущены с поверхности Земли, они представляли собою одну из множества орбитальных «боевых платформа».

Корабль имел цилиндрическую форму, и жилое пространство состояло из четырех изолированных круглых палуб, каждая четырех метров в высоту и десяти – в поперечнике. Неко-

гда их соединяли примитивные воздушные шлюзы, давно замененные современными самогерметизирующимися мембранами.

В кормовом отсеке сохранилась только обивка стен. Здесь пираты отрабатывали навыки боя в невесомости. Здесь же они и спали, хотя, за отсутствием дня и ночи, не прочь были соснуть часок-другой где угодно, в любое время.

На следующей палубе помещались: операционная, лазарет и «душегубка» – освинцованное укрытие на случай солнечных вспышек. В «кладовке», рядом с грудой распылителей шеллака, газовых пистолетов, крепежа, скоб и прочих «наружных» инструментов, помещалась дюжина древних скафандров. На этой палубе имелся древний, бронированный снаружи шлюз. На нем еще сохранились шелушащиеся наклейки-указатели с зелеными надписями кириллицей.

Далее, на другой палубе располагалась секция жизнеобеспечения, заполненная побулькивающими баками с водорослями. Здесь же были: туалет и пиццесинтезатор, напрямую соединенные с «фермой». Наглядность замкнутости цикла отнюдь не привела Линдсея в восторг. Была здесь и мастерская, правда, очень маленькая, но невесомость позволяла работать хоть на стене, хоть на потолке.

В носовом отсеке находилась рубка управления и отводы солнечных батарей. Здесь Линдсею нравилось больше всего – в основном, из-за музыки. Рубка управления была старой, но не настолько, как сам «Консенсус». Безвестный ее конструктор полагал, по всей видимости, что приборы должны использовать звуковые сигналы, и потому великое множество систем, расположенных на пульте управления, имело лишь несколько визуальных мониторов. В большинстве своем приборы реагировали на окружающую действительность гудением, кваканьем и писком самых разнообразных модуляций.

Звуки эти, диковые с непривычки, были подобраны так, чтобы ненавязчиво оседать в подсознании. Любое изменение в их хоре, однако, тут же становилось очевидным. Линдсея эта музыка успокаивала и даже завораживала.

Остальная часть носового отсека была куда менее симпатичной: арсенал со стеллажами очень неприятных инструментов, и настоящее средоточие зла – лучевая пушка. Линдсеи избегал заходить сюда и никогда ни с кем не говорил об этих вещах.

И тем не менее у него все время не лезло из головы, что «Консенсус» – корабль военный.

– Видишь ли, – говорил ему президент, – кончить старую, дряхлую механистку с отрубившимся мозгом – это одно. А вот с лагерем, полным шустрых вооруженных шейперов, – совсем другая история. В Народной армии Фортуны слабакам и тормозам места нет.

– Так точно, сэр, – отвечал Линдсей.

Народная армия Фортуны являлась правительственными вооруженными силами. Личный состав ее полностью совпадал с персоналом правительства гражданского, но иерархии разнились. Армия была совершенно другой организацией и подчинялась собственному уставу. К счастью, президент успешно совмещал с гражданской властью должность главнокомандующего вооруженными силами.

Военной подготовкой занимались на четвертой палубе, не занятой ничем, кроме старой, грязной обивки стен. Здесь стояли три велотренажера и несколько пружинных штанг, да еще ряд шкафчиков рядом с выходом.

– Про верх и низ забудь, – советовал президент. – Когда мы говорим о бое в невесомости, главный закон – харагэй. Вот это.

Он внезапно ткнул Линдсея в живот. Судорожно выдохнув, Линдсей согнулся пополам. Его «липучковые» подошвы с громким треском сорвались с обивки.

Захватив запястье Линдсея, президент плавным движением прилепил ученика пятками к потолку.

– Ну, теперь ты – вверх ногами, так?

Линдсей «стоял» на «полу» – то есть на носовой переборке, а президент в полуприсяде прилепился к кормовой, так что ноги их были направлены в противоположные стороны. Президент смотрел как бы снизу вверх – прямо в глаза Линдсея. Из рта его воняло сырыми водорослями.

– Вот это называется локальной вертикалью, – объяснил он. – Наше тело создано для гравитации, и глазам всегда кажется, что она есть. Так уж у нас мозги смонтированы. Поэтому ты будешь искать вертикаль и по ней ориентироваться. И будешь убит, солдат. Ясно?

– Так точно, сэр! – отвечал Линдсей.

В Республике его с малолетства воспитывали в презрении к насилию. Насилие допускалось лишь по отношению к себе. Но знакомство с антибиотиком изменило его образ мышления.

– Вот для чего нужен харагэй. – Президент хлопнул себя по животу. – Это – твой центр тяжести, центр вращения. Встречаешь врага в невесомости, сцепляешься с ним, и голова твоя – просто отросток, ясно? Все зависит от центра массы. От харагэй. Пространство, куда ты можешь достать рукой или ногой, – это сфера. А центр сферы – в твоём брюхе. Значит, все время представляй вокруг себя такой пузырек.

– Так точно, сэр.

Линдсей был – весь внимание.

– Это первое. Теперь – о втором. Переборки. Контролируешь переборки – контролируешь весь бой. Вот если я в воздухе, то с какой силой смогу тебя достать?

– Переносицу сломаете, – осторожно предположил Линдсей.

– Верно. А если опираюсь ногой на переборку и мое же тело гасит отдачу?

– Сломаете мне шею, сэр.

– Верно мыслишь, солдат. Человеку без опоры – никуда. Нет ничего другого – используй как опору тело противника. Отдача – она враг удара. Удар есть повреждение. А повреждение есть победа. Все ясно?

– Отдача – враг удара. Удар есть повреждение. Повреждение есть победа, – без запинки отпартовал Линдсей. – Сэр.

– Замечательно. – Вытянув руку, он поймал запястье Линдсея и быстрым вращательным движением с мокрым хрустом переломил его предплечье о колено.

– А это – номер третий, – сказал президент, не обращая внимания на отчаянный вопль Линдсея. – Боль.

* * *

– Насколько я понимаю, – сказала второй судья, – тебе продемонстрировали третий номер.

– Да, мэм, – ответил Линдсей. Второй судья вонзила в его руку иглу.

– Оставь, – мягко сказала она. – Здесь лазарет, а не армия. Зови меня просто – второй, судья.

Сломанная рука резиново онемела.

– Спасибо, судья.

Второй судья была пожилой женщиной – лет, должно быть, под сто. Точнее сказать было сложно: постоянный прием гормональных препаратов превратил ее метаболизм в сложный комплекс аномалий. Нижняя челюсть ее обросла угрями, однако сквозь шелушащуюся сухую кожу запястий и лодыжек просвечивали варикозные вены.

– Все в порядке, гос. Выправим.

Она сунула руку Линдсея в широкий резиновый рукав старого томографа. Из кольца его заструилось множество рентгеновских лучей, и на экране появилось трехмерное, вращающееся изображение сломанной руки.

– Ничего страшного; хороший, чистый перелом, – оценила второй судья. – У нас у всех такие. И ты теперь – один из нас. Хочешь, пока рука под наркозом, мы тебя разрисуем?

– Что?

– Татуируем; гражданин.

Идея была, мягко говоря, неожиданной.

– Прекрасно, – сказал Линдсей. – Давайте.

– Вот! Я с самого начала знала, что ты – в полном порядке! – Она ткнула его под ребро. – Я тебе за это еще и анаболических стероидов вколю. Не успеешь оглянуться, как нарастишь мускулы; сам президент не отличит их от натуральных.

Она мягко потянула его за руку. Зловещий скрип становящихся на место осколков кости доносился словно очень-очень издалека, с другого конца перевернутого бинокля.

Она сняла со стены комплект игл в липучем футляре.

– Хочешь что-нибудь необычное?

– Пусть там будут бабочки, – ответил Линдсей.

* * *

История Горняцкой Демократии Фортуны была крайне проста. Фортуна – довольно крупный астероид, более двухсот километров в поперечнике. Первые горняки, ослепленные первоначальным успехом, объявили себя независимым государством.

Пока руда не иссякла, дела шли хорошо. Хватало и на откуп от политических проблем, и на процедуры продления жизни в более развитых мирах.

Затем Фортуна стала просто грудой пустой породы, и народ ее понял, что крупно вляпался. Богатство сгинуло без следа, а они не дали себе труда развивать технологию с отчаянной решимостью картелей соперников. Они не могли ни выжить со своими допотопными знаниями и умениями, ни наскрести денег на организацию информационной экономики. Все попытки выкарабкаться вели разве что к новым долгам.

Началось повальное бегство, и в первую очередь – утечка мозгов. Лучшие и честолюбивейшие специалисты оставили нацию ради миров побогаче. Фортуна лишилась почти всего космофлота – перебежчики растащили все до последнего гвоздя.

Процесс развивался лавинообразно; подданных у правительства оставалось все меньше. Увязнув в долгах, горняки на корню продали всю инфраструктуру механистским картелям. Даже воздух пошел с молотка. Население Фортуны сократилось до горстки бродяг, не нашедших себе ничего лучшего.

Однако они обрели полный законный контроль над правительством с его аппаратом внешних сношений и дипломатическим протоколом. Они могли жаловать гражданство, чеканить монету, выдавать каперские лицензии, подписывать соглашения, вести переговоры о контроле над вооружениями. Пусть их осталась лишь дюжина, это не имело значения. Все равно они имели парламент и сенат, юридические прецеденты и идеологию.

Поэтому границы Фортуны были переопределены. Национальной территорией стал последний уцелевший космический корабль – «Красный Консенсус». Преобразившись в мобильную, нация даровала самой себе право отчуждения в свою пользу любого имущества, находящегося в границах ее территории. Воровством это не являлось. Народ не может считаться вором; такое положение стало краеугольным камнем государственной идеологии ГДФ. Все протесты передавались правительству Фортуны, чье компьютеризованное правосудие работало по законам весьма замысловатым.

Судебные процессы являлись главным источником доходов пиратской нации. Впрочем, большинство дел до суда не доходило. Практически от пиратов просто откупались, однако соблюдением протокола во всех его тонкостях они немало гордились.

Космический корабль «Красный Консенсус»

29.09.16

– Эй, госсек, что ты там копаешься в «душегубке»?

– Послание о положении в стране, – неуверенно улыбнулся Линдсей. – Слушать неохота.

Разглагольствования президента слышались по всему кораблю, долетая и в убежище через распахнутый первым депутатом люк. Скользнув внутрь, девушка захлопнула за собой тяжелую крышку.

– Это непатриотично. Ты новенький, тебе положено слушать.

– Да я же сам все это и написал.

Линдсей понимал, что с этой дамочкой надо держать ухо востро. Было в ней что-то такое, отчего мурашки по коже. Гладкие, стремительные движения, совершенство черт лица и неестественно напряженный, сверхприметчивый взгляд наталкивали на мысли о перестройке.

– Вы, шейперы, все какие-то скользкие... Как стекляшки.

– Ты хочешь сказать: «Мы, шейперы»?

– Я не из перестроенных. Посмотри зубы. – Открыв рот, она продемонстрировала уродливо перекошенные резец и клык. – Видишь? Плохие зубы – гены плохие.

– А может, ты это нарочно сделала, – скептически усмехнулся Линдсей.

– Меня родили, – настаивала девушка. – А не из пробирки вынули.

Линдсей потер украшенную полученным на тренировке синяком скулу. В убежище было тесно и жарко. Он даже ощущал ее запах.

– Мной заплатили выкуп, – призналась девушка. – Я была тогда оплодотворенной яйцеклеткой, а выносила меня гражданка Фортуны. И с зубами я ничего не делала, правда.

– Значит, ты недоделанный шейпер. Такое встречается – правда, редко. Ай-кью ² измеряла?

– Ай-кью? Я не умею читать, – гордо сказала она. – Зато я – первый пред, глава парламентского большинства. И замужем за первым сенатором.

– Да-а? Он никогда не говорил.

Она поправила черную ленту на лбу. Ее светло-каштановые волосы были украшены ярко-розовыми прищепками.

– Поженились по налоговым соображениям. Иначе я, может, и тебе бы дала. Ты, госсек, симпатичный. – Она подплыла ближе. – Хорошо, что рука зажила. – Она провела пальцем по татуированному запястью.

– Ну, уж Карнавал-то от нас не уйдет, – заметил Линдсей.

– Карнавал не считается. На афродизиаках никого не узнаешь.

– До точки randevu еще три месяца. Значит, могу попробовать с трех раз тебя угадать.

– Ты же бывал на Карнавале; Знаешь, как это, на дизиаках-то. Там же ты сам не свой. Просто кусок мяса.

– Я могу удивить тебя, – сказал Линдсей, глядя ей в глаза.

– Тогда я тебя убью. Адюльтер – уголовное преступление.

Космический корабль «Красный Консенсус»

13.10.16

---

² IQ – коэффициент интеллекта.

Линдсей разбудил корабельный таракан, принявшийся щипать ресницы. В порыве отвращения Линдсей смахнул его, щелчком отправив куда-то в угол.

Спал он обнаженным, если не считать паховой чашки. Такие носили все мужчины – они предохраняли яйца от парения в невесомости и раздражения. Смахнув с комбинезона другого таракана, решившего полакомиться чешуйками отмершей кожи, он оделся и оглядел гимнастический зал. Двое сенаторов спали, прилепившись к стене подошвами и причудливо раскинувшись в невесомости. На шее женщины, подбирая капельки пота, сидел еще один таракан.

Если б не тараканы, воздух на борту постепенно превратился бы в густую взвесь чешуек отмершей кожи, пота и прочих трудноуловимых выделений. Лизин, аланин, метионин, карбаминовые соединения, молочная кислота, половые феромоны – постоянные потоки органики, испаряемые человеческими телами, незаметно насыщали воздух. Тараканы являлись жизненно необходимой деталью экосистемы корабля. Они подчищали мельчайшие капли жира и крошки пищи.

Тараканы, как насекомые крепкие и ко всему привычные, обосновались на корабле едва ли не с первого дня постройки и великолепно освоились с обстановкой. Благодаря химическим приманкам и отпугивающим веществам второго депутата их даже удалось в некотором смысле приручить. Но Линдсей до сих пор ненавидел их, не в силах спокойно наблюдать, как они копошатся и судорожно, рывками, перелетают с места на место. В такие моменты ему страстно хотелось оказаться где-нибудь в другом месте. В каком угодно.

Одевшись, Линдсей выплыл через затянутый мембраной люк. Пластволокно распалось от прикосновения на отдельные нити и мгновенно затянулось за ним. Ткань была тонкой, но герметичной и прочной, как сталь. Изделие шейперов. Скорее всего, краденое.

Привлеченный музыкой, он забрел в рубку управления. Здесь собралась большая часть команды. Президент, двое парламентариев и третий судья, нацепив видеоочки, смотрели шейперскую агитпрограмму. У консоли сидел главный судья, просматривая передачи, выловленные в пространстве корабельным зондом. Он был намного старше любого другого члена команды и никогда не участвовал в Карнавалах. Это, вкупе с высоким постом, делало его беспристрастным арбитром во всех делах.

– Есть новости? – громко спросил Линдсей, нагнувшись к самому наушнику судьи.

– Осада продолжается, – ответил старый механист без всякого видимого удовлетворения. – Шейперы держатся. – Пустые глаза его бежали приборную доску. – Хвастаются победой в Цепи.

В рубку вошла второй судья.

– Кетамина кто-нибудь хочет?

Первый депутат сняла очки.

– Хороший?

– Прямо из хроматографа. Сама делала.

– Вот в мое время Цепь имела вес, – сказал главный судья. В своих наушниках он не увидел и не услышал женщин. Вероятно, передача всколыхнула глубинные пласты его памяти. – В мое время не было цивилизованного мира, кроме Цепи...

Женщины, в силу давней привычки, не обращали на него внимания.

– И почему? – спросила первый деп.

– Сорок тысяч – грамм.

– Сорок-ок?! Двадцать дам.

– Девочка, ты за вшивый маникюр с меня двадцать запросила!

Слушая их краем уха, Линдсей подумал: а не вступить ли в торг? ГДФ до сих пор имела собственные банки, и валюта ее, хоть до предела обесценившаяся, имела хождение в качестве

единственного законного платежного средства среди одиннадцати миллиардеров. К несчастью, Линдсей, будучи новичком, уже по самые уши залез в долги.

– Корпоративная республика Моря Ясности, – проговорил старик, остановив взгляд пепельно-серых глаз на Линдсее. – Я слышал, ты работал на них.

Линдсей был поражен. Неписанные табу «Красного Консенсуса» запрещали обсуждение прошлого. Лицо старика просветлело от наплыва чувств и превратилось в отталкивающую маску – древние мышцы и кожа, десятилетиями не менявшие выражения, совсем утратили эластичность.

– Да, был как-то, проездом, – солгал Линдсей. – Впрочем, эти лунные дыры я плохо знаю.

– А я там родился...

Первый деп испуганно покосилась на старика.

– Ладно, сорок так сорок, – сказала она. Женщины ушли в лабораторию. Президент сдвинул видеоочки на лоб, одарил Линдсея сардоническим взглядом и демонстративно прибавил громкости в своих наушниках. Деп-два и убеленный сединой третий судья сделали вид, что ничего не заметили.

– В мое время в Республике был порядок. Система, – продолжал старик. – Семейства политиков – Тайлеры, Келланды, Линдсеи... Потом шел низший класс – беженцы. Как раз их приняли, перед самым Интердиктом... Мы называли их плебеями. Они покинули Землю последними, незадолго до того, как все пошло прахом. У них не было ничего. У нас были полные карманы киловаттов, семейные усадьбы... А они ютились в пластиковых хибарах.

Линдсей больше не мог бороться с любопытством.

– Ты был аристократом?

– Яблоки... – с тяжелой ностальгической тоской проговорил старый механист. – Ты видел когда-нибудь яблоко? Пробовал? Это такое растение.

– Я так и думал.

– Птицы... Парки... Трава... Облака... Деревья... – Электронный протез его правой руки тихонько зажуужал, и палец с проволочными сухожилиями щелчком согнал с консоли таракана. – Я так и знал, что эти дела с плебеями кончатся плохо... Даже пьесу об этом написал...

– Пьесу? Для театра? А как она называлась?

В глазах старика мелькнули отблески удивления.

– «Пожар».

– Так вы – Эван Джеймс Тайлер Келланд! – выпалил Линдсей. – Я... Я видел вашу пьесу. В архивах...

Линдсей доводился Келланду правнучатым племянником. Малоизвестный радикал, пьеса которого, проникнутая духом социального протеста, долго считалась утраченной, пока Линдсей, в поисках оружия, не отыскал ее в Музее и не поставил – в пик радикальным старцам. Те, кто выслал Келланда, удерживали власть на протяжении века – при помощи механистских технологий. Подошло время – они же выслали и Линдсея.

Теперь они – в картелях, подумал он. Константин, вождь плебеев, заключил с механистами сделку. Аристократия, как и предсказывал Келланд, заплатила за все. Они – Линдсей и Келланд – просто заплатили первыми.

– Так, значит, тебе попадалась моя пьеса?

Подозрение превратило морщины его лица в глубокие складки. Он отвел взгляд. Его пепельно-серые глаза были полны боли и скрытого унижения.

– И ты даже не предполагал...

– Извини, – сказал Линдсей. Старый родственник с металлической рукой неожиданно предстал в совсем новом свете... – Больше я не стану об этом вспоминать.

– Оно и к лучшему.

Келланд прибавил громкость наушников и вроде бы успокоился. Глаза его снова сделались тусклыми и бесцветными. Линдсей взглянул на остальных, ничего не заметивших из-за видеоочков. Ладно, будем считать, что ничего этого не было.

Космический корабль «Красный Консенсус»
27.10.16

– Плохо спишь, гражданин? – спросила второй судья. – Стероиды достают? Увеличивают активную фазу сна? Поправим.

Она улыбнулась, показав три обесцвеченных от древности зуба среди ряда блестящих фарфоровых.

– Был бы очень рад, – отвечал Линдсей, стараясь говорить повежливее.

Стероиды нарастили на руках тугие узлы мускулов, быстро залечили синяки и ссадины от постоянных тренировок – и переполняли жаркой, агрессивной яростью. Но в то же время они не давали спать, не считая редких состояний дремоты.

Взглянув покрасневшими глазами на врача Фортуны, Линдсей вспомнил свою бывшую жену, Александрину Линдсей. Та же точность движений, словно у фарфоровой куклы, такая же пергаментная кожа, те же предательские морщинки на сгибах пальцев... Его жене было восемьдесят. Сейчас, глядя на второго судью, он ощущал нечто вроде сексуального влечения.

– Эта штука должна помочь, – приговаривала она, втягивая шприцем из ампулы с пластиковым кончиком мутноватую жидкость. – Мышечный релаксант, феромон-катализатор серотонина, и промотер к нему. И чуть-чуть мнемоников, чтобы плохих снов не снилось. Я это и сама себе иногда колю; просто сказка как помогает. Давай я тебе и другую руку разрисую.

– Лучше потом, – пробормотал Линдсей сквозь стиснутые зубы. – Я еще не решил, что там рисовать. Судья со вздохом разочарования отложила иглы.

«Прямо жить не может без своих иголок», – подумал Линдсей.

– Тебе что, не нравится? – спросила она.

Линдсей осмотрел правую руку. Кость срослась хорошо, но мускулы он накачал так, что рисунки – змеи-кабели с телеглазами, белые черепа с плоскими, как солнечные панели, крыльями, ножи, окруженные молниями, и везде, где только можно, бабочки – довольно сильно деформировались. Под кожей от запястья до бицепса было теперь столько краски, что на ощупь она была холодной и даже не потела.

– Нет, здорово, – сказал он, наблюдая, как игла шприца вонзается в пустую глазницу черепа. – Только подожди, пока я закончу с накачкой мышц, ладно?

– Приятных снов, – сказала второй судья!

* * *

По ночам Республика была как-то больше похожа сама на себя. Ночью бдительные очи старцев закрывались для сна, и поэтому презервационисты любили ночи.

В блеске ночных огней миру являлась правда, скрытая в свете дня. Солнечная энергия была валютой Республики. Растрачивать ее попусту могли только самые богатые.

Справа, у северной оконечности цилиндра, ярко светились окна клиник. Там, близ оси цилиндра, почти в невесомости, радикальные старцы могли дать отдых своим хрупким костям. Целые фонтаны, гейзеры света били из окон. Тщеславный, самодовольный Млечный Путь роскоши...

Взглянув вверх, Линдсей оказался вдруг в помещении, за одним из таких окон. Палата принадлежала его прадеду. Старый механист парил в воздухе, окутанный коконом из проводов

и катетеров. Глазные впадины его были подключены к видеовводу. Стерильную палату наполнял кислород.

– Дедушка, я уезжаю, – сказал Линдсей.

Старик поднял изуродованную артритом руку, суставы которой непомерно распухли, и вдруг превратился в змеящийся клубок платиновых трубок с иглами на концах. Трубки бросились на Линдсея, они липли к его телу, прокалывали кожу и сосали, сосали, высасывали все подчистую... Он раскрыл рот, хотел закричать, и...

...Огни были далеко позади. Миновав стеклянную светопанель, Линдсей выбрался на сельскохозяйственную.

Ветер донес до него слабый запах гнили. Он был неподалеку от Хлябей.

Генетически перестроенная полынь, высаженная вокруг болота, тихонько шуршала о его туфли. В траве стрекотали кузнечики. Из-под ног метнулась какая-то хитиновая тварь размером с добрую крысу. Филип Константин держал болото в осаде.

Налетел порыв ветра. В темноте хлопнул полог Константиновой палатки. Вход в нее освещали два желтых биолюминесцентных шара на стойках.

Большая палатка стояла рядом с болотом, на засеянной полынью полосе. На севере лежали Хляби, а к югу тянулись поля зерновых. Нейтральная полоса, где Константин боролся с заразой, кишела разными тварями, порожденными его лабораторией.

Из палатки донеслись прерывистые, всхлипывающие рыдания:

– Филип!

Линдсей вошел внутрь.

Константин сидел на деревянной скамье перед длинным лабораторным столом из металла, уставленным шейперской лабораторной посудой. На стеллаже – ряды стеклянных ящиков с подопытными насекомыми. Шары на тонких, гибких стойках освещают помещение тусклым желтоватым сиянием.

Константин словно бы стал еще меньше ростом. По-детски неразвитые плечи ссутулились под лабораторной курткой. Глаза Константина – красные, волосы – взъерошены.

– Веры..., больше нет, – сказал он.

Вздвогнув, Константин спрятал лицо в ладонях, затянутых в резиновые перчатки. Сев рядом, Линдсей обнял его за плечи.

Так сидели они вдвоем, как это часто бывало в прежние времена: бок о бок, болтая, обмениваясь шутками на полусекретном своем жаргоне Совета Колец, и заряженный ингалятор ходил из рук в руки. Вместе смеялись – тихим заговорщическим смехом... Они были молоды, они ломали все рамки – и после нескольких добрых понюшек мысли их обретали ясность, на какую ни один человек не имеет права...

Константин радостно засмеялся – рот его был полон крови. Линдсей, резко вскочил и открыл глаза. Он находился в лазарете «Красного Консенсуса». Он закрыл глаза и тут же опять провалился в сон.

Щеки Линдсея были мокры от слез. Он не представлял себе, как долго они плакали вместе. Похоже, очень долго.

– Филип, мы здесь можем говорить свободно?

– У нас нет полицейских соглядатаев, – горько ответил Константин. – На что они, когда есть жены?

– Прости меня за то, что было между нами, Филип.

– Вера умерла. – Константин закрыл глаза. – Это мы с тобой погубили ее. Мы спланировали эту смерть. И вина лежит на нас обоих. Теперь нам известна наша сила. И наши расхождения.

Он вытер глаза кружком фильтровальной бумаги.

– Я их обманул, – сказал Линдсей. – Сказал, что дядя умер от инфаркта. И следствие пришло к тому же. Чтобы оградить тебя, я решил: пусть и дальше так думают. Это ведь ты убил его, Филип. Но целью твоей был я. Дядя случайно ступил в капкан.

– Мы обсудили это с Верой. Она полагала, что ты не сумеешь. Отречешься от уговора. Она-то знала твои слабости... И я – тоже. И потому вывел мотыльков с ядовитыми железами и жалом. Революции необходимо оружие. Я дал Вере феромоны, приводящие их в ярость... И она согласилась.

– Значит, не верили мне...

– Но ты остался жив.

Линдсей промолчал.

– Взгляни! – Константин сорвал с руки перчатку. Оливково-смуглая кожа под ней чешуйчато шелушилась, словно змеиная. – Вирус. Бессмертие. Шейперское, настоящее, на клеточном уровне. Не какие-то там механистские протезы. Я на него обречен, кузен. – Он ущипнул эластичную кожу. – Вера выбрала тебя. А я намерен жить во веки веков, и на хрен тебя с твоим нытьем про общечеловеческие ценности. Человечество зашло в тупик, кузен. Души больше нет – одни состояния сознания. Если хочешь это опровергнуть, на! – Он подал Линдсею скальпель. – На, докажи! Докажи, что за твоими словами что-то есть! Что ты готов умереть, чтобы остаться человеком!

Скальпель оказался в руке Линдсея. Он взглянул на свое запястье. Затем перевел взгляд на горло Константина. Подняв скальпель над головой, он примерился и громко закричал...

Крик разбудил его. Он снова был в лазарете, взмокший от пота, и второй судья с тупым от наркотиков взглядом поглаживала ему рукой между бедер.

Космический корабль «Красный Консенсус»

20.11.16

Третий депутат, или попросту деп-три, был коренастым, вечно ухмыляющимся юнцом со сломанным носом и коротким ежиком светлых песочных волос.

Подобно многим спецам по ВОК, он был фанатиком космоса и большую часть времени проводил в открытом пространстве – тащился за кораблем на многокилометровом тросе. Звезды беседовали с ним, а Солнце было его другом. Даже на борту он не вылезал из скафандра. Шлем, однако, снимал, и вырывавшаяся наружу вонь пропотевшего тела вышибала из глаз слезу.

– Хочу зонд выслать, – рассказывал он Линдсею во время совместного перекуса в рубке. – Можно на него подключаться прямо отсюда. Точно снаружи оказываешься... Линдсей отложил опустевшую банку из-под зеленой массы. Зондом называли старинную ракету планетарной разведки, найденную на некоей давно забытой орбите некоей давно забытой командой. Телескопы ее и Коротковолновые антенны до сих пор служили исправно, как и передающие системы. Будучи выпущен на всю длину оптического кабеля, беспилотный зонд мог ловить в пространстве чужие передачи и создавать противорадарные помехи.

– Конечно, подключусь, гражданин, – заверил его Линдсей. – Какого хрена, в конце концов?

Деп-три радостно закивал:

– Это прекрасно, госсек! Мозг – словно быстро-быстро растет, как вторая кожа становится...

– Наркотики я не буду, – предостерег Линдсей.

– Какие наркотики, ты что! Если наглотаешься, Солнце с тобой говорить не будет.

Он сгреб с консоли видеоочки и надел на Линдсея. Внутри устройства была смонтирована крохотная видеосистема, проецировавшая изображение прямо на сетчатку. В данный

момент зонд не работал, и Линдсею виден был лишь столбец голубых цифр и букв где-то внизу. И никакого ощущения, что глядишь на экран.

– Пока что нормально, – сказал он.

Послышался стук клавиш – деп-три запускал зонд. Затем корабль легонько тряхнуло – робот отправился в полет. Судя по звукам, пред-три тоже надел видеоочки. И тут Линдсей впервые увидел «Консенсус» со стороны.

Топорный, обшарпанный – выглядел он довольно жалко. Родные двигатели с кормы были сняты и заменены длинным абордажным рукавом – гибким, гофрированным, скалящим клыки шахтовых буров. Новый двигатель – одна из старейших шейперских электромагнитных моделей – был приварен к корпусу на четырех стойках. Шаровидный двигатель генерировал сверх-высокие частоты, поэтому его, насколько можно, удалили от жилых отсеков. Вдоль стоек, кое-как приваренных к кормовому отсеку, свисали длинные, обернутые фольгой провода управления.

Между стойками матово поблескивал корпус автоматического экскаватора. Озирая выключенную, ждущую своего часа машину, Линдсей понял, насколько мощным оружием она является. Огромные бритвенно-острые клешни разорвут обшивку любого корабля, как бумагу...

Снаружи к корпусу крепился еще один механизм: добавочная ракета. Обшивка вокруг нее, некогда выкрашенная в грязно-зеленый цвет, была исцарапана ее магнитным шасси. Способная менять свое положение, она служила маневренным двигателем.

Палуба жизнеобеспечения вся была опутана толстыми вентиляционными и гидравлическими трубами; некоторые совсем износились – рассыпающаяся изоляция парила в невесомости ключьями.

– Не волнуйся, мы ими не пользуемся, – сказал деп-три.

От четвертой палубы отходили в стороны четыре соединенных между собой солнечных панели – блестящий крест из черного кремния, прорезанного тонкой медной решеткой. Мерзкое жерло лучевой пушки лишь слегка выдавалось из корпуса.

– Крохотный звездный народ пред очами Солнца, – сказал деп-три.

Он развернул зонд, и Линдсей на мгновение увидел тянущийся за кормой кабель. Камера сфокусировалась на такелаже солнечного паруса. На носу под сложенную парусину был отведен специальный отсек, однако сейчас он был пуст: девятнадцать тонн металлизированной пленки под давлением света развернулись в двухкилометровую арку. Камера прибавила увеличение, и Линдсей увидел, что парус тоже очень стар – кое-где потерт и испещрен дырами от микрометеоритов.

– Президент сказал: в следующий раз, если хватит денег, возьмем мономолекулярный распылитель и с той стороны натрафаретим охеренный череп и скрещенные молнии, – поведаль Линдсею деп-три.

– Хорошая мысль...

Стероидов в крови больше не было, и теперь Линдсей относился к миру гораздо терпимее.

– Ладно, идем дальше.

Линдсей услышал короткий перестук клавиш – и робот с устрашающей скоростью понесся в открытое пространство. В несколько секунд «Красный Консенсус» стал крошечной скорлупкой на «столешнице» паруса. В приступе выворачивающего наизнанку головокружения Линдсей ухватился за консоль, изо всех сил зажмурившись под видеоочками. Наконец он решился осторожно приоткрыть глаза. Перед ним простиралась бескрайняя панорама открытого космоса.

– Млечный Путь, – сказал деп-три.

Гигантская белая дуга раскинулась на половину мироздания. Линдсей утратил чувство перспективы; на секунду почудилось, что миллиард белых булабочных головок этого галактического коромысла безжалостно вжимается прямо в глазные яблоки. Он снова закрыл глаза, всем существом благодаря судьбу за то, что находится на борту, а не там...

– Оттуда они и явятся, – сообщил деп-три. Линдсей открыл глаза. Ерунда, строго сказал он себе. Всего-навсего пузырь в белую крапинку, а в центре – он, Линдсей. Вот так. И ничего страшного.

– Кто – «они»?

– Ну, пришельцы, – с изумлением пояснил деп-три. – Они там, это всем известно.

– Конечно...

– Хочешь, на Солнце посмотрим? Может, оно с нами поговорит.

– А может, лучше Марс? – предложил Линдсей.

– Без толку, противостояние. Астероиды можно попробовать. Счас, вдоль эклиптики посмотрю...

Он умолк. Звезды под низкие звуки музыки рубки управления стали поворачиваться. Прибегнув к харагэй, Линдсей почувствовал, как робозонд вращается вокруг его центра тяжести. Тренировки пошли на пользу – он чувствовал себя уверенно. Линдсей сделал глубокий вдох.

– Ага, вот, – сказал деп-три.

Отдаленное, не больше булабочной головки, пятнышко света встало в центр поля зрения и начало расти. Вот оно выросло до размеров ногтя, и контуры его расплылись, утратив определенность. Деп-три прибавил разрешение, и изображение превратилось в сосискообразный цилиндр, переливающийся искусственными оттенками компьютерной графики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.